

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ

ЮЖНО-РУССКАГО НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА.

ВВЕДЕНІЕ.

Къ произведеніямъ народной словесности принадлежатъ: 1) сказанія, сказки и легенды, 2) загадки, 3) поговорки и пословицы, 4) заговоры и заклинанія, 5) преданія и 6) пѣсни. Въ первыхъ преимущественно выражается фантазія народа, во вторыхъ—его остроуміе, въ третьихъ—его умъ, въ четвертыхъ—его вѣрованія, въ пятыхъ—его память, въ пѣсняхъ, обнимающихъ, впрочемъ, кругъ и всего предыдущаго, главнымъ образомъ выражается его чувство. Въ настоящемъ сочиненіи мы будемъ имѣть дѣло только съ пѣснями. Народными пѣснями мы называемъ только такія, которыя въ данномъ ихъ видѣ не имѣютъ и никогда не имѣли единого автора, не только такого, котораго бы мы могли назвать по имени, но даже и безыменнаго, о существованіи котораго было бы основаніе догадываться. Въ европейской наукѣ такое понятіе не господствуетъ: на Западѣ собиратели и изслѣдователи народныхъ произведеній причисляютъ къ нимъ и такія, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они созданы единымъ лицомъ; это дѣлается потому, что народъ усвоилъ эти произведенія. У нихъ народная пѣсня—то, что поется народомъ, у насъ же то, что создано народомъ. Если сопоставить произведенія изустной словесности, обращающіяся въ простонародіи, съ произведеніями словесности письменной, то различіе между чисто-народными и популярными пѣснями въ нѣкоторомъ

отношеніи напоминаетъ различіе между оригинальными сочиненіями и подражательными и даже переводными. Хотя послѣднія и часто оказываютъ громадное вліяніе на развитіе образованнаго общества, но нельзя признавать за ними того значенія, какое признаемъ за оригинальными. Необходимость положить грань между чисто-народнымъ и популярнымъ для насъ вытекаетъ изъ того кореннаго различія, какое существуетъ въ натурѣ между нашею народною жизнію и жизнію западныхъ народовъ. Нашъ народъ стоитъ на болѣе первобытной почвѣ, чѣмъ народы западные. У насъ сравнительно меньше распространена грамотность, и жизнь менѣе усвоила тѣхъ формъ, которыя выработала западная цивилизація.

Поэзія прирождена человѣку, и поэтическое творчество, слѣдуя однимъ общимъ для всѣхъ законамъ, можетъ, относительно своего проявленія, находиться на различныхъ степеняхъ, сообразно постепенному ходу культуры. Чѣмъ общество первобытнѣе, тѣмъ меньше въ немъ простора для личности, тѣмъ незамѣтнѣе проявленіе нравственныхъ индивидуальных особенностей, тѣмъ крѣпче единство въ понятіяхъ, правахъ и пріемахъ жизни у членовъ общества между собою,—тамъ и поэзія не представляетъ признаковъ личнаго творчества; плоды поэтического вдохновенія, заражаясь отрывочными чертами, не записываются и не сберегаются, какъ достояніе личностей: письменность—важнѣйшій рычагъ для поднятія личности—еще не служитъ для выраженія и укрѣпленія человѣческой мысли; поэтическіе проблески появляясь въ началѣ двумя-тремя чертами, образомъ, сравненіемъ, очертаніемъ, короткимъ рассказомъ или воспоминаніемъ,—передаются изъ устъ въ уста и, подъ вліяніемъ поэтического настроенія другихъ лицъ, видоизмѣняются, добавляются; выраженное однимъ принимается другимъ такъ близко къ сердцу, что послѣдній не сознаетъ, что это не его собственное созданіе и потому ни мало не стѣсняется прибавлять что-нибудь, сообразно впечатлѣніямъ, производимымъ явленіями окружающей его среды или ощущеніями собственного сердца; такимъ образомъ, зачатки пѣсней, добавляясь, расширяются, и вмѣстѣ съ тѣмъ сталкиваются съ зачатками другими, соединяются съ ними, перекрещиваются: иное переходитъ отсюда туда, другое—оттуда сюда, и такъ образуются большія пѣсни, имѣющія видъ цѣльности содержанія и законченности; но, достигши такого вида, пѣсня хотя олучаетъ уже нѣкоторую прочность и крѣпость, однако, обра-

щаясь въ народѣ изустнымъ путемъ, не изъемлется отъ дальнѣйшихъ видоизмѣненій и, подъ вліяніемъ такихъ перемѣнъ въ народной жизни, которые производятъ переворотъ въ народной поэзіи, разлагается совершенно, отчасти оставляя свои элементы для составленія новыхъ пѣсенъ.

Пѣсня всегда близка къ жизни; народный человѣкъ выражаетъ ею то, что у него на душѣ въ данную минуту; онъ принимается за пѣсню потому, что она подходитъ къ тому, что онъ чувствуетъ, а чувствуетъ онъ всегда то, что вызывается у него явленіями дѣйствительной жизни. Эта чрезвычайная близость пѣсни къ сердечнымъ ощущеніямъ, истекающимъ прямо изъ жизни, и побуждаетъ измѣнять пѣсню, чтобы сдѣлать ее примѣнительнѣе къ ближайшей средѣ. Такимъ образомъ, не говоря уже объ общемъ качествѣ человѣческой природы—забывать и измѣнять подробности и выраженія слышаннаго, причина, почему пѣсня разбивается всегда на различные варианты, лежитъ въ самомъ ея существѣ. Но такъ какъ, при всемъ разнообразіи въ частныхъ явленіяхъ, народная жизнь въ своей общности долго остается одна и та же, то, при всѣхъ видоизмѣненіяхъ, въ какихъ является народная поэзія, она долго сохраняетъ въ главныхъ чертахъ своихъ однообразіе; пѣсни прежнихъ поколѣній переходятъ къ послѣдующимъ поколѣніямъ въ продолженіи вѣковъ, и поздніе варианты, отступая отъ прежнихъ въ подробностяхъ, удерживаютъ духъ и суть содержанія. Рѣшительные перевороты въ народной поэзіи происходятъ только тогда, когда перевороты происходятъ и въ ходѣ самой народной жизни. Но и тогда, когда уже новыя условія жизни творятъ новыя пѣсни, въ этихъ новыхъ можно открывать заимствованные изъ прежнихъ, уже отжившихъ, пѣсенъ глубоко усвоенные народомъ обороты, краски, образы, даже цѣлыя повѣствованія, примѣненные уже къ признакамъ болѣе поздняго времени. Насколько двигалась жизнь, на столько и пѣсенность. На сколько народная жизнь позднѣйшихъ поколѣній, при всѣхъ переворотахъ, мало оставившихъ измѣненій въ культурномъ отношеніи, обращалась въ старымъ началамъ, за неимѣніемъ новыхъ, настолько и новыя пѣсни походили на старыя.

Развѣтвленіе народныхъ пѣсенъ имѣетъ различныя степени, зависящія отъ условій народной жизни. Пѣсня, сложившись въ одномъ углу народнаго отечества, переходитъ въ другой, въ третій и видоизмѣняется. Если между разными, даже отдаленными,

краями, населенными однимъ и тѣмъ же народомъ, образуется постоянное и дѣятельное сообщеніе, то народныя пѣсни поются въ болѣе близкихъ между собою вариантахъ, и, напротивъ, скудость сообщенія производитъ такое сильное разнообразіе, что одна и та же пѣсня въ различныхъ мѣстахъ поется въ такихъ отличныхъ одинъ отъ другаго вариантахъ, что они кажутся отдѣльными пѣснями.

Этому процессу подвергались всѣ народы въ мірѣ. Но такъ какъ неизвѣстныя и неуловимыя условія ихъ дѣтства образовали у нихъ различныя способности, нравы, стремленія, то и ходъ ихъ развитія былъ неодинаковъ; этому помогали и климатическая обстановка, и перевороты въ народномъ бытѣ, и сношенія съ иноплемениками. Духовная дѣятельность однихъ была богаче, другихъ бѣднѣе, у однихъ направлена въ одну, у другихъ въ иную сторону.

Самый важнѣйшій переворотъ въ народной жизни есть распространеніе грамотности и книжности. Оно совершенно измѣняетъ ходъ и способы проявленія поэтическаго творчества. Грамотность не даетъ уже проблескамъ вдохновенія разгуливать по свѣту и, будучи общимъ для всѣхъ достояніемъ, служить элементами для бессознательнаго составленія пѣсенъ. Грамотный поэтъ передаетъ плодъ своего вдохновенія письму, сразу даетъ ему и объемъ и крѣпость, обдумываетъ его, трудится надъ нимъ,—оно является въ законченной формѣ, оно дѣлается духовнымъ достояніемъ личности. Другіе грамотные люди если полюбятъ это созданіе и станутъ повторять его, то сознаютъ, что произведеніе, которое дѣйствуетъ на ихъ душу, принадлежитъ не имъ; извѣстно ли по имени лицо поэта, или неизвѣстно—все равно: на его твореніи лежитъ отпечатокъ того, что оно первоначально есть твореніе единой личности. Если отъ долгаго изустнаго обращенія возникаютъ варианты, то они болѣе или менѣе имѣютъ значеніе искаженій, а не нормальнаго состоянія, какое имѣютъ, напротивъ, варианты чисто народныхъ произведеній. Благодаря письменности, существуетъ первоначальная форма, служащая нормою. Это постоянство формы поэтическаго произведенія, это появленіе его въ законченномъ видѣ изъ-подъ рукъ единаго автора, наконецъ, эта принадлежность его этому автору—вотъ важныя отличія произведенія литературнаго отъ чисто народнаго, такъ какъ существенные признаки послѣдняго—принадлежность всей массѣ народа и неизбѣжная безграницная

варіація. Крім того, грамотність веде за собою змінені в мову і прийомах вираження настільки, наскільки вона сприяє розвитку освіти. Відміння мови книжкової, мови освіченого суспільства, від мови простонародної є явище повсюдне і залежить від того нерівності, з яким звичайно народ йде по шляху до освіти. Конечно, якби вся народна громада одночасно отримувала освіту—такого б відміння не було; звичайно освічений клас народу малочисельніше решти маси, косують, порівняльно, в більшому невіжестві; знайомство освічених людей з більшим запасом предметів, більша широта поглядів і понять неизбежно породжують значительное количество слів, виражень, оборотів, побудов речей, чуждих для простолюдина; створюється література, недоступна для останнього, по недостатку свідомості і звички обобщать і розділяти поняття. Все написане примикає до цієї літератури, а також і пісня, як тільки почне писатися і складатися людьми грамотними, усвоює властивості освіченого мови і входить в область літератури. Ця література складається з творів різних осіб, тому вже складається протилежність з безличними творами усної народної словесності. Сила освіти так велика, що народ, відчуваю її перевагу, при всякому близькому зіткненні з освіченим суспільством, по можливості, переймає його прийоми. наслідує мові освічених людей і схватює пісні, складені більше або менше літературним складом. Таким чином літературна поезія проходить і в народ, починає ділитися популярною. Але так як число не тільки освічених, але навіть просто грамотних зростає все-таки не в сильній пропорції в порівнянні з масою, перебуваючою в прежнему положенні, то, поруч з письмовою пісенністю, понемногу входящою в народ, продовжує існувати старі, усна, творяться і нестворюються чисто-народні пісні стародавнім способом, піддаючись однак впливу літературності в тих місцях, де простолюдин знаходиться безперестанно в таких умовах, які допомагають йому вживати прийоми освіченого суспільства. Від цього нерідко випливає викривлення і унадоки поезії. Простолюдин, не отримавши правильного виховання навіть в нервно-початковому вигляді, а тільки нахапавшись кое-чого з осві-

ванной среды, думаетъ примкнуть къ ней; онъ начинаетъ пренебрегать своими старыми пѣснями: онѣ уже не соотвѣтствуютъ стремленіямъ къ той жизни, какою ему хочется жить; онъ перенимаетъ пѣсни литературнаго склада, но, по недостатку знакомства и съ языкомъ, и съ способами выраженія чувствъ и мыслей, и съ предметами образованной среды, уродуетъ ихъ иногда самымъ дикимъ и безмысленнымъ образомъ, а между тѣмъ онъ еще не настолько разорвалъ связь съ условіями прежней жизни, чтобъ отрѣшиться отъ ея проявленій, и потому, рядомъ съ заимствованными пѣснями литературнаго склада онъ поетъ пѣсни чисто народнаго происхожденія, искажая ихъ добавками и видоизмѣненіями, смахивающими на приемы и рѣчь того класса, который стоитъ выше простолюдина въ культурномъ отношеніи. Въ такъ-называемыхъ захолустьяхъ, то-есть въ мѣстностяхъ удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ, народная поэзія менѣе испытываетъ этого вліянія, хотя она тамъ суживается, подобно тому, какъ суживается самая жизнь, изъ которой она истекаетъ.

На западѣ литературное вліяніе давно уже начало сталкиваться съ поэзіею чисто народнаго происхожденія. Еще ранѣе XVI вѣка въ массѣ народа расходились пѣсни, завѣдомо сложенные едиными авторами, нерѣдко такими, которые приобрѣли громкое имя и оставили на письмѣ потомству свои произведенія. Поэтому тамъ не такъ легко и наглядно отдѣляется популярное отъ народнаго, какъ у насъ, и въ сборникахъ пѣсенъ западно-европейскихъ народовъ слова: *popular songs*, *chansons populaires*, *canti popolari*, *die Volkslieder* не вполне имѣютъ то значеніе, какое мы соединяемъ съ словомъ—народныя пѣсни. Въ настоящее время тамъ, гдѣ грамотность и школьное образованіе распространились сильно, бессознательное народное творчество исчезло; пѣсни чисто народныя еще существуютъ тамъ, гдѣ образованіе слабѣе, но уже въ смѣшеніи съ популярными.

У насъ (болѣе или менѣе и у другихъ славянъ) этого рода творчество еще можно назвать живучимъ, но оно сильно склоняется къ наденію, но мѣрѣ того какъ грамотность и житейское сближеніе съ образованною средою измѣняютъ жизнь и воззрѣнія простолюдина. Навѣрное можно сказать, что распространеніе грамотности и книжнаго образованія убьетъ его; само собою разумѣется, мы не пожалѣемъ, если, ради всеобщаго просвѣщенія, необходимо пожертвовать этимъ драгоценнымъ достояніемъ

протекшихъ вѣковъ, памятниками духовной дѣятельности нашихъ предковъ. Остается только желать, чтобъ эти памятники были поскорѣ собраны и сохранены для науки.

Историческое значеніе народныхъ пѣсень можетъ опредѣлиться для насъ сообразно тому, чего мы желаемъ отъ исторіи. Если мы станемъ отыскивать въ народныхъ пѣсняхъ источниковъ для исторіи политическихъ перемѣнъ, государственнаго строя, войнъ, развитія общественнаго быта,—пѣсни окажутся скуднымъ источникомъ. Не надобно забывать, что пѣсня принадлежитъ простолюдину и можетъ выражать только его жизнь и его взгляды. Если прежде пѣсни были равнымъ достояніемъ цѣлаго народа, то это было въ такое время, когда весь народъ стоялъ на той же первобытной малокультурной почвѣ, на какой теперь остался простолюдинъ. Но и въ этой сферѣ онѣ во многомъ не дадутъ намъ желаемыхъ свѣдѣній. Такъ, для познанія устройства матеріальнаго быта простолюдина онѣ недостаточны, хотя мѣстами и заключаютъ въ себѣ вѣрные черты. Пѣсни—важный, но никакъ не исключительный источникъ для нашего знакомства съ народными понятіями, воззрѣніями, вѣрованіями, воспоминаніями: для этого необходимы, и часто болѣе, чѣмъ пѣсни, другіе памятники народнаго слова. Но тамъ, гдѣ идетъ дѣло о чувствѣ народа—пѣсни незамѣнимы ничѣмъ. Быть-можетъ, намъ возразятъ, что это относится только къ одному роду пѣсень—къ лирическимъ, а не къ эпической поэзіи. Но мы, въ такомъ случаѣ, замѣтимъ, что эпическій элементъ входитъ въ пѣсню только подъ условіемъ возбужденія чувства. Пѣсни былевые, то есть пѣсни, относящіяся къ событіямъ и лицамъ, поются именно отъ того, что поющій сочувствуетъ этимъ событіямъ или лицамъ, и оттого то былевая пѣсня скоро забывается и исчезаетъ, какъ скоро предметъ ея содержанія перестаетъ трогать сердце. Есть въ народѣ преданія и воспоминанія, которыя хотя сохраняются въ памяти, но не переходятъ въ пѣсни: это отъ того, что они недостаточно прилегаютъ къ народному сердцу или слишкомъ мѣстны, чтобы подѣйствовать на чувство большой массы народа. Самъ народъ, говоря о какомъ-нибудь событіи или личности съ сердечнымъ участіемъ, какъ бы въ усиленіе этого участія, говоритъ: у насъ про это даже пѣсня сложена. Что касается древняго эпоса, то настоящая его форма есть сказаніе (die Sage), иногда подходящее къ пѣснѣ по мѣрности рѣчи, но вполне отличное отъ нея по духу, составу, изложенію и спо-

собамъ передачи и распространѣнія. Это можно замѣтить и на великорусскихъ такъ-называемыхъ былинахъ, которыя собственно не поются, а пересказываются на распѣвъ; однородность ихъ съ сказками доказывается тѣмъ, что онѣ (какъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ) совершенно превращаются въ сказки и произносятся, какъ послѣднія. Въ южно-русскихъ народныхъ пѣсняхъ эпическая форма касается только историческихъ событій, вообще совершающихся въ мѣрѣ дѣйствительномъ и всегда подъ условіемъ возбужденія чувства. Только въ образахъ, отрывочно уцѣлѣвшихъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, преимущественно въ обрядныхъ (напримѣръ, въ галицкихъ колядкахъ, но не безъ опасности попадать въ натяжки) можно отыскивать слѣды древняго эпоса. Господство чувства въ пѣсняхъ тѣсно связано съ ихъ близостію къ жизни.

Безспорно, пѣсни составляютъ, рядомъ съ другими произведеніями народнаго слова, драгоценный источникъ для знакомства со всякаго рода проявленіями духовной жизни; но самымъ перво-степеннымъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ и ничѣмъ не замѣнимымъ источникомъ для историка пѣсни представляются со стороны народнаго чувства. Чувство есть основа всякаго проявленія духа, возбудитель мысли и поступковъ, корень нравственнаго бытія. Познать чувство человѣка—значить познать его сокровенную природу. Понятно, что, при такомъ значеніи пѣсенъ, историкъ народа долженъ считать ихъ для себя однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, такимъ, безъ котораго онъ едва ли можетъ ясно разумѣть тотъ человѣческій міръ, который хочетъ изображать.

Составляя исключительно достояніе простолюдины, пѣсни окажутся историкъ полезными и важными для уразумѣнія и культурныхъ сферъ общества, такъ какъ духовное состояніе простолюдина во многомъ близко къ тому состоянію, въ какомъ находится и весь народъ, изъ котораго выдѣлилось образованное общество, неизбежно удержавшее въ себѣ однако коренныя народныя свойства, унаслѣдованныя отъ предковъ, и при томъ же духовная связь образованнаго общества съ массою простолюдины не разрывается, если только первое не усваиваетъ чужаго языка и чужой народности и не отрѣзывается совершенно отъ своего корня. У насъ образованное общество, при всѣхъ отличіяхъ отъ народа, даже при напускномъ пренебреженіи къ родной рѣчи, гораздо болѣе заимствовало отъ простаго русскаго народа, чѣмъ ему давало.

Русская народность дѣлится на двѣ вѣтви: южно-русскую (иначе мало-русскую) и сѣверно-русскую (иначе велико-русскую). Этнографическое различіе между ними такъ велико, что народная пѣсенность той и другой должна разсматриваться отдѣльно. Мы займемся южно-русскою.

Языкъ южно-русскій, составляя одно изъ нарѣчій славянскихъ, раздѣляется на три нарѣчія: украинское (самое распространенное), полѣсско-сѣверское (отличное отъ перваго нѣкоторыми фонетическими особенностями, изъ которыхъ самое видное перемѣна гласныхъ не въ мягкое *i*, какъ въ украинскомъ, а въ средній звукъ *yi*, а иногда въ *y*) и червоно-русское или русинское (одинакое по фонетикѣ съ украинскимъ, но отличающееся отъ него нѣкоторыми грамматическими особенностями, между прочимъ—постановкою возвратнаго *ся* впереди глагола, къ которому принадлежитъ, удержаніемъ вспомогательнаго глагола въ прошедшихъ временахъ глаголовъ—«ходивъ емъ» какъ въ славяно-церковномъ, сохраніемъ твердаго знака вмѣсто мягкаго при окончаніи третьяго лица настоящаго времени глаголовъ, напр. стоитъ *вм.* стоять, а также достаточнымъ запасомъ словъ, ему только принадлежащихъ, неупотребительныхъ въ украинскомъ и полѣсско-сѣверскомъ). Тонкій наблюдатель можетъ въ каждомъ изъ этихъ нарѣчій подмѣтить разнорѣчія, замѣтныя, впрочемъ, на пограничныхъ рубежахъ нарѣчій, вслѣдствіе перелива признаковъ одного нарѣчія въ другое или переселенія жителей. Особое разнорѣчіе у южно-русовъ, живущихъ въ Венгріи, еще мало обследованное, хотя принадлежитъ къ червоно-русскому нарѣчію, но имѣетъ свои признаки, любопытные по близости къ древнему языку. Всѣ три нарѣчія не представляютъ между собою такой разницы, чтобы говорящіе ими не понимали другъ друга или могли признавать одни другихъ за иной народъ. Литературныя произведенія, писанныя въ Россіи всѣ на украинскомъ нарѣчій, читаются съ равнымъ наслажденіемъ и въ Галиціи. На всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ поется множество пѣсенъ одного содержанія, одного духа и размѣра, хотя въ разныхъ вариантахъ. Въ Червонной Руси, кромѣ большинства пѣсенъ, общихъ для всего южно-русскаго края, есть запасъ и своихъ мѣстныхъ, сколько намъ извѣстно, такихъ, какихъ нѣтъ въ другихъ краяхъ; таковы нѣкоторыя изъ колядокъ, замѣчательныя по своей древности, коломійки—афористическія коротенькія пѣсни, былевые пѣсни о событіяхъ, случившихся въ Галиціи. Какъ въ Галиціи,

такъ и въ западной Украинѣ, есть пѣсни, сочиненныя въ польскомъ тонѣ и до нѣкоторой степени пріобрѣвшія популярность. Подобно тому, въ мѣстахъ, гдѣ южно-русская народность соприкасается съ сѣверно-русскою, возникаютъ пѣсни съ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ сѣверно-русскаго элемента. Кроме того, развѣтвленіе пѣсенъ въ разныхъ краяхъ, отдаленныхъ одинъ отъ другаго, доходитъ до того, что варианты одной и той же пѣсни съ перваго раза кажутся пѣснями отдѣльнаго мѣстнаго происхожденія.

Всѣ пѣсни могутъ быть раздѣлены на три главныхъ отдѣла: обрядныя, былевыя и бытовыя.

Обрядныя раздѣляются на два вида: а) относящіяся къ временамъ года и б) относящіяся къ семейной жизни. Къ первому виду принадлежатъ: весеннія пѣсни—веснянки, болѣею частью съ играми,—лѣтнія: троицкія и петрѣвочныя, купальскія—принадлежащія къ народному празднику купала (24 іюня); рабочія: гребецкія, зажинныя и (не вездѣ) обжиночныя съ обрядами, отправляемыми по уборкѣ хлѣба,—наконецъ, колядки—пѣсни святочныхъ—и щедрѣвки, которыя поются наканунѣ новаго года. Ко второму виду принадлежатъ свадебныя, которыхъ чрезвычайное множество, колыбельныя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ особенныя пѣсни при крестинахъ и, наконецъ, погребальныя или причитанья.—Былевыя пѣсни по формѣ распадаются на два отдѣла: а) собственно пѣсни, которыхъ содержаніе составляетъ какое-нибудь событіе, и б) думы. Слово дума въ народѣ, сколько мы знаемъ, не употребительно: это слово сочиненное; но такъ какъ оно получило гражданство въ литературѣ, то мы оставляемъ его. Думою называется такое повѣствованіе, которое излагается мѣрною рѣчью съ римами, расположенными такъ, что одна повторяется нѣсколько разъ сряду. Количество слоговъ между римами неравномѣрное. Нельзя думу назвать стихами въ нашемъ смыслѣ, но нельзя назвать и прозою: когда дума поется, тотчасъ видно, что это не проза, и раздѣленіе рѣчи на стихи опредѣляется интонаціею пѣнія. Думы поютъ только слѣпцы, сопровождая звуками бандуры или кобзы; этому даже учатся, какъ особому искусству. Свойственныя эпической поэзіи повторенія очень обычны въ думахъ. Думы проникнуты одною мыслию и представляютъ нѣкоторую стройность, но развѣтвляются на варианты, какъ и пѣсни. Способъ ихъ пѣнія склоняется къ речитативу, но не отличается монотонностію великорусскихъ бы-

линъ,—это все-таки пѣніе; бандуристы не всѣ думы поютъ однимъ и тѣмъ же голосомъ и стараются придать различную экспрессию повышеіемъ и понижеіемъ голоса, скоростію и медленностію пѣнія. Съ сказкою думы не имѣютъ ничего общаго: въ нихъ господствуетъ историческая жизненная стихія чудеснаго и преувеличеннаго пѣтъ, исключая варіантовъ явно съ позднѣйшими передѣлками. Хотя многое отличаетъ ихъ отъ остальныхъ пѣсенъ, но еще больше признаковъ, побуждающихъ причислять ихъ къ пѣснямъ. Самъ народъ отличаетъ ихъ отъ другихъ пѣсенъ настолько же, насколько иные роды пѣсенъ, оставаясь несомнѣнно пѣснями, отличаются другъ отъ друга. Такимъ образомъ, если думы поются исключительно бандуристами и кобзарями, и притомъ не иначе, какъ съ музыкою, то есть пѣсни, которыя также поются подъ извѣстными условіями, не иначе, какъ извѣстнаго рода лицами и при опредѣленныхъ обстоятельствахъ: напримѣръ, свадебныя пѣсни поются только дѣвцами, составляющими группу спутницъ невѣсты — друзьями, веснянки также дѣвцами не иначе, какъ весною, а колядки и щедрівки, не иначе, какъ зимою на святкахъ.

Самый важнѣйшій признакъ, побуждающій признавать думы пѣснями, есть тотъ, что всѣ онѣ проникнуты чувствомъ, и главною ихъ цѣлію возбуждать чувство. Этотъ признакъ въ думахъ бросается въ глаза даже болѣе, чѣмъ въ пѣсняхъ, гдѣ иногда чувство скрывается подъ свойственными народной поэзіи символическими изображеніями.

Былевые пѣсни въ южно-русской поэзіи не имѣютъ той плавности разсказа, какою отличаются думы; въ нихъ болѣе преобладаетъ и главное непосредственнѣе выказывается драматическая форма.

Бытовые пѣсни съ меньшею строгостію и точностію могутъ быть раздѣлены на отдѣлы, чѣмъ былевые и обрядныя; одна и таже пѣсня можетъ принадлежать къ двумъ и нѣсколькимъ изъ разрядовъ, на которые мы захотимъ ихъ раздѣлить; кромѣ того, не всегда строго можно отличить бытовую пѣсню отъ небытовой, такъ какъ драматическая форма, особенно свойственная южно-русской народной поэзіи, преобладаетъ вездѣ, и нерѣдко бытовая пѣсня изображаетъ какъ будто какое-то событіе, такъ что причислять ее къ бытовымъ можемъ мы только на томъ основаніи, что изображаемое въ ней событіе оказывается повседневымъ и всеобщимъ явленіемъ бытовой жизни. Мы въ числѣ бытовыхъ

пѣсенъ различаемъ пѣсни казацкія, изображающія обычныя и повседневныя явленія казацкой жизни; къ нимъ подходятъ и нѣкоторыя думы, которыя хотя и воспѣвають определенное событіе, но такое, которое слишкомъ часто могло повторяться; прощаніе казака съ семьею или съ милою женщиною и смерть казака—самыя обычныя темы этихъ пѣсенъ. За ними слѣдуютъ чумацкія пѣсни, потомъ пѣсни бурлацкія или сиротскія: бурлакъ—бездомовный и безсемейный молодецъ—составляетъ особый типъ въ народной поэзіи; потомъ—пѣсни рекрутскія, въ которыхъ всегда почти представляется скорбь разлуки рекрута съ семьею и семьи о судьбѣ его; за ними—пѣсни поселянскія, изображающія общественныя условія быта поселяннина: здѣсь всего любопытнѣе тѣ, которые касаются крѣпостнаго права; наконецъ, слѣдуютъ два самыхъ плодovitыхъ разряда бытовыхъ пѣсенъ: пѣсни семейно-родственныя и пѣсни любовныя, и эти пѣсни всего труднѣе подчиняются строгому отдѣленію отъ прочихъ, такъ какъ многія изъ нихъ въ равной степени могутъ относиться къ различнымъ ступенямъ народнаго быта и жизни. Мы коснулись этой классификаціи только для того, чтобъ уяснить наши указанія на пѣсни, такъ какъ намъ придется часто дѣлать эти указанія въ ходѣ настоящаго сочиненія; собственно же для нашей цѣли—представить въ пѣсняхъ народа его исторію, эта классификація имѣетъ второстепенное значеніе. Для исторіи, въ ея истинномъ, обширномъ смыслѣ, пѣсня изъ каждаго разряда можетъ доставлять матеріалъ не по одной ея принадлежности къ этому разряду, а по различнымъ жизненнымъ чертамъ, разсѣянными по всѣмъ вообще пѣснямъ.

Прямыми важнѣйшими источниками для знакомства съ нѣсенностію южно-русскаго народа, при составленіи настоящаго труда, служили намъ, во-первыхъ, печатные, а, во-вторыхъ, рукописные сборники.

Важнѣйшіе изъ печатныхъ были слѣдующіе:

1. Три сборника М. А. Максимовича: одинъ, изданный подъ названіемъ «Малороссійскія нѣсни» въ 1826 г., другой—«Украинскія нѣсни», изданный въ 1834 г., третій, изданный подъ названіемъ: «Сборникъ украинскихъ пѣсенъ. Отдѣлъ первый. Украинскія думы.» въ 1849 г.

2. «Запорожская Старина» И. Срезневскаго, въ 2 ч. 6. тетр. 1833—38.

3. «Малороссійскія и червоно-русскія думы и нѣсни». 1836. (Изданы г. Лукашевичемъ безъ имени автора).

4. «Народныя южно-рускія нѣсни» Амвросія Метлинскаго 1854.

5. «Пісні українського люду». Д. Лавренка. 1864. (Помѣщены только любовныя).

6. «Записки о Южной Руси». Кулиша. 1856.

7. «Українські пісні». Баллиної. Харьковъ. 1863.

8. «Сборникъ памятникѡвъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ», изд. подъ редакціею г. Гильтебранта. 1866.

9. Очень богатый сборникъ галицкихъ нѣсенъ, напечатанный въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей въ разныхъ нумерахъ съ 1863 по 1866 г. включительно. Сюда вошли нѣсни изъ прежде изданныхъ галицкихъ сборниковъ: Вацлава изъ Олеска (Piesni Polskie i Ruskie ludu Galiicyjskiego; 1833), Жеготы Паула (Piesni ludu Ruskiego w Galicyi. 1840); Русалки (Русалка Дністровая. 1841) Русской свадьбы (Ruskoje wesile opisanoje cz przez J. Lozin'skiego 1833).

Кромѣ печатныхъ источниковъ, у автора этого сочиненія было подъ рукою значительное рукописное собраніе нѣсенъ, записанныхъ имъ самимъ въ разныхъ краяхъ, населенныхъ южно-рускимъ народомъ еще въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія; одна часть изъ нихъ, именно нѣсни, записанныя на Волини, была напечатана въ Мало-Русскомъ сборникѣ, изданномъ г. Мордовцевымъ (этотъ печатный сборникъ сильно пострадалъ отъ цензора, который, находя въ этихъ нѣсняхъ на каждомъ шагѣ не нравственное и неприличное, вычеркивалъ и цѣлыя нѣсни, и мѣста изъ нѣсенъ и черезъ то изуродовалъ ихъ); нѣкоторыя сообщены были собирателемъ покойному А. Т. Метлинскому и поступили въ его сборникъ: остальные нигдѣ не были напечатаны (и передадутся для напечатанія Географическому Обществу). Независимо отъ этого, сверхъ того, г-жа М. А. Маркевичъ передала автору этого сочиненія довольно значительное количество нѣсенъ, записанныхъ отчасти ею, а также ея покойнымъ супругомъ, А. В. Маркевичемъ; передъ самымъ уже приготовленіемъ къ печати сообщилъ ему сборникъ нѣсенъ Д. К. Морозъ. Наконецъ профессоръ Дерптскаго университета А. А. Котляревскій удѣлилъ автору право пользоваться для настоящаго труда сборникомъ думъ, записанныхъ въ началѣ текущаго, а можетъ-быть еще и въ концѣ прошедшаго столѣтія. Авторъ считаетъ долгомъ изъяснить всѣмъ этимъ лицамъ свою благодарность. Въ послѣднее время русское

Географическое Общество предприняло издать сборникъ какъ пѣсенъ, такъ и другихъ намятниковъ народной южно-Русской словесности, собранныхъ по порученію общества и приведенныхъ въ порядокъ П. П. Чубинскимъ. Намъ извѣстна только часть этого богатаго собранія.

Мы выше сказали, что пѣсни подвергаются тѣмъ же измѣненіямъ, какія испытываетъ народная жизнь. Естественно, эти измѣненія и опредѣляемые ими періоды народной жизни живо отражались въ пѣсняхъ, но самая близость пѣсенъ къ жизни дѣлается причиною ихъ исчезанія. По мѣрѣ того, какъ перестаютъ дѣйствовать на народъ условія прежняго, но уже измѣненнаго строя жизни, перестаютъ дѣйствовать на его сердце и воображеніе пѣсни, вытекавшія изъ впечатлѣній, полученныхъ подъ вліяніемъ этого строя, и забываются. Еслибы пѣсни записывались въ прежнія времена, то, конечно, мы бы имѣли въ нихъ самую богатую, вѣрную и полную картину народной жизни того періода, въ которомъ возникали. Но этого не было. Пѣсни исчезали заявленіями, ихъ вызывавшими, нѣкому было ихъ сохранять въ безграмотномъ народѣ, когда онъ болѣе не удовлетворяли этого народа. И теперь до насъ дошли только остатки прежняго въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ; слѣды прошлаго отражаются въ нихъ настолько, насколько вліяніе самыхъ жизненныхъ признаковъ, съ которыми эти пѣсни состояли въ связи, напечатлѣлось на жизни послѣдующихъ поколѣній; чѣмъ болѣе времени проживалъ народъ, удаляясь отъ прошедшаго, тѣмъ это прошедшее теряло для него свои подробности, оставляя въ народной жизни только главные черты, и періоды прошлаго въ народныхъ пѣсняхъ отражаются только самыми продолжительными временами и общими чертами. Такимъ образомъ, все прошедшее южно-русскаго народа въ его пѣсняхъ выражается: 1) *періодомъ язычества или отдаленной древности*, 2) *періодомъ княжескимъ* или вообще историческимъ *до-казацкимъ*, 3) *періодомъ казачества* и, наконецъ, 4) *періодомъ по-казацкимъ* ¹⁾.

¹⁾ Мы избрали для мало-русскихъ пѣсенъ, которыя по необходимости должны будутъ приводиться въ настоящемъ сочиненіи, правописаніе, состоящее въ томъ, что мягкое *и* выражается буквою *і*, твердое—буквою *и*, а буква *е* выговаривается твердо, исключая послѣ гласныхъ.

Періодъ языческій.—Отдаленная древность.

Наши свѣдѣнія о язычествѣ нашихъ предковъ столько же скудны, сколько и неясны. Намъ остались названія языческихъ божествъ, которыя намъ не вполне понятны или вовсе непонятны. О большинствѣ этихъ божествъ и вообще мифологическихъ названій трудно окончательно сказать: народныя ли они или заимствованныя, были ли они въ уваженіи у цѣлой массы или только у одного класса народа; равнымъ образомъ трудно рѣшить, въ какой степени мы имѣемъ право прилагать къ своей языческой древности извѣстія о язычествѣ другихъ славянъ. Но кромѣ извѣстій о мифологическихъ божествахъ и способѣ поклоненія имъ, извѣстій темныхъ, есть въ нѣкоторыхъ памятникахъ хотя немногочисленные, но. сравнительно, болѣе ясныя указанія на обожаніе природы вообще, важныя преимущественно отъ того, что ихъ смыслъ объясняется нашими нѣснями. Такъ, наприкладъ, намъ прямо говорятъ, что предки наши обожали стихіи, небесныя свѣтила, огонь (наприкладъ, у Кирилла Гуровскаго: уже не нарекоша Богомъ стихіа, ни солнце, ни огонь; или у другаго: и огневи молятся, зовуть его сварожичемъ), воду, деревья, животныхъ, (наприкладъ, въ словѣ Григорія: «Овъ требу створить на студенъци, дѣжда исы отъ него... овъ рѣку богиню нарицаеть и звѣрь живуць въ ней яко Бога нарицаая»; или у Іоанна пророка: «еже жруть бесомъ, болотомъ и колодеземъ»; или въ лѣтонисіи: «бяху же тогда поганіи жруще озеромъ, кладяземъ и рощеніемъ», или въ разныхъ норченіяхъ: «уже бо не нарекутся богомъ дрѣвеса», «жертву приносяще огневи и каменію, и рѣкамъ и источникамъ и берегинымъ»; или въ уставѣ Владиміра: «аще кто молится подъ овиномъ или у рощенія или у воды»; или въ житіи Константина Муромскаго: «дуплинамъ дрѣвянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и смѣ поклоняющеся», и проч.). Кромѣ прямыхъ указаній, есть много еще такихъ, которыя, при сопоставленіи ихъ между собою и съ народными вѣрованіями, обычаями, нѣснями, приводятъ также къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что предки наши обожали

природу; слѣды этого обожанія остались въ народной поэзіи такъ, какъ, быть-можетъ, многіе и не допускаютъ.

Отличительная и господствующая черта поэтического воззрѣнія въ нашихъ южно-русскихъ народныхъ пѣсняхъ есть символизация природы. Подъ именемъ символа мы разумѣемъ образное выраженіе нравственныхъ идей посредствомъ нѣкоторыхъ предметовъ физической природы, причемъ этимъ предметамъ придается болѣе или менѣе опредѣленное духовное свойство. Такого рода воззрѣніе не могло возникнуть иначе, какъ въ глубокой древности, въ періодъ юношескаго состоянія народа. Пѣсня въ моментъ своего образованія выражаетъ только то, что чувствующая и творящая сила души считаетъ правдою, во что вѣрить, а вѣрить въ духовное свойство воды, деревьевъ, камней—человѣкъ могъ только при условіяхъ пребыванія въ слишкомъ юношескомъ состояніи своего духовнаго развитія. Одухотвореніе или—что совпадаетъ у юнаго народа—обоготвореніе разныхъ явленій физической природы составляло, по всему видно, сущность нашей міеологіи. Это, однако, не было уже признакомъ первобытнаго, младенчествующаго состоянія. Еще прежде, чѣмъ человѣкъ сталъ придавать то и другое духовное качество разнымъ предметамъ, встрѣчаемымъ въ окружающей его природѣ, и такимъ образомъ создавалъ для себя въ ней символы, онъ относился ко всей природѣ во всей цѣлости, не отличая въ ней частей и образовъ, обращаясь ко всему безразлично. Раздѣленіе представленій совершалось постепенно: прежде для него существовала только вода, а потомъ уже онъ различалъ рѣки, озера, источники, болота. Точно также было время, когда человѣкъ относился ко всѣмъ деревьямъ вообще, какъ къ лѣсу, а потомъ уже началъ отличать дубъ, липу, кленъ и т. п., или къ птицамъ вообще, какъ къ летающимъ существамъ, а потомъ уже выдѣлилъ изъ нихъ кукушку, орла, голубя и проч. И теперь еще можно замѣтить, какъ простолюдинъ, выдѣляя изъ огромной массы травъ такія, которыя то тѣмъ, то другимъ обратили на себя его вниманіе, относится безразлично ко множеству такихъ, для которыхъ у него нѣтъ особаго названія, повидимому не желая себѣ задавать труда отыскивать въ нихъ особенности и означая ихъ общимъ именемъ—трава: «такъ себѣ, трава», говоритъ онъ. Древній человѣкъ, у котораго воспримчивость къ явленіямъ природы была сильнѣе, привыкшій видѣть въ цѣлой природѣ себя и не отдѣлять себя отъ природы, соединялъ съ вы-

дѣлившимися въ его созерцаніи явленіями и предметами природы особые признаки и явленія своего нравственного міра: раздѣленіе признаковъ послѣдняго развивалось вмѣстѣ съ раздѣленіемъ признаковъ окружающей его природы. Такимъ образомъ, во-первыхъ, въ силу качествъ, заключавшихся во внѣшнихъ предметахъ и вызывавшихъ сообразныя впечатлѣнія въ человѣческой душѣ, а во-вторыхъ, въ силу отношеній, въ какія былъ человѣкъ поставленъ къ этимъ внѣшнимъ предметамъ, они стали дѣлаться для человѣка символами; вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ создавалъ объ этихъ предметахъ мнѣя, вымышленныя событія изъ нравственного міра примѣнительно къ этимъ физическимъ предметамъ. Мнѣя и символы обуславливаютъ и взаимно производятъ другъ друга. Мнѣя, соединенный съ какимъ-нибудь предметомъ физической природы въ сознаніи человѣка, сообщаетъ этому предмету постоянное присутствіе того духовнаго значенія, которое заключается въ самомъ мнѣи.

Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи мифологіи въ человѣчествѣ было отложеніе мифовъ отъ тѣхъ предметовъ физической природы, съ которыми они были связаны, и полное ихъ облеченіе въ идеальныя человѣческія формы. Такъ, въ греческой мифологіи Зевсъ означалъ небо, Аполлонъ—солнце, Артемида—луну, Посейдонъ—воду, Гефестъ—огонь и проч. Но эти мифическія существа отличались уже отъ тѣхъ физическихъ предметовъ, которые означали и съ которыми прежде были нераздѣльны; они стали человѣкообразными владыками, божествами надъ тѣми предметами, которыми они были сами. Вслѣдъ затѣмъ воображеніе устроило между ними семейную жизнь, разныя связи и отношенія, создало для нихъ исторію, примѣнило къ опредѣленнымъ мѣстностямъ ихъ подвиги и мнимыя событія, происходившія съ ними. Затѣмъ начали твориться и плодиться новыя божества, которыхъ значеніе соединялось уже не съ предметами, непосредственно ощущаемыми посредствомъ чувствъ, но съ свойствами, признаками и дѣйствіями, постигаемыми посредствомъ размышленія: такъ производительная сила природы явилась въ личности Афродиты, а половое влеченіе приняло образъ ея неизмѣннаго сопутника Эроса; борьба въ природѣ нашла себѣ олицетвореніе въ Арѣ; быстрота воздушныхъ перемѣнъ, въ сопоставленіи съ измѣняемостію житейскихъ положеній человѣка—въ Гермесѣ; таинственный мракъ смерти преобразился въ Плутона со всѣмъ его подземнымъ царствомъ; земледѣльческая

культура человѣческаго общества олицетворилась въ Димитрѣ, а человѣческій разумъ сталъ поклоняться своей могучей красотѣ въ образѣ прекраснѣйшей, непорочной дѣвы—Аѳины. У нашихъ предковъ процессъ отложенія миѳовъ отъ предметовъ физической природы и ихъ человѣческаго обособленія не совершился и, вѣроятно, едва только начинался; это наглядно подтверждается символическою природою въ нашихъ пѣсняхъ,—символическою, вполне соотвѣтствующею болѣе ранней хотя и не самой первой ступени миѳологическаго развитія. Несомнѣнное отсутствіе жрецовъ и храмовъ у нашихъ предковъ, а слѣдовательно, и недостатокъ положительной религіи совмѣстны только съ этою раннею ступенью. Иностранныя названія нѣсколькихъ божествъ, которыхъ истуканы, по свидѣтельству нашей древней лѣтописи, были поставлены въ Кіевѣ уже не задолго до господства христіанства,—названія Мокоши, Хорса, Симарегла и, вѣроятно, Перуна—заставляютъ полагать, что зачатки положительной религіи привносились къ намъ извнѣ и не успѣли пустить корней въ народѣ. Отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Названія Дажьбога и Стрибога, безспорно, славянскія (мы оставляемъ подъ сомнѣніемъ загадочнаго Велеса, требующаго особаго ученаго разъясненія); но, насколько они намъ извѣстны, эти миѳическія существа, должно-быть, находились еще въ тѣсной связи съ физическими предметами. Дажьбогъ значилъ солнце, Стрибогъ—дѣдъ или отецъ вѣтровъ (въ малорусской сказкѣ «вѣтрівъ батко»), предполагаемую силу, производящую вѣтры. Если, какъ вѣроятно, о нихъ (особенно о первомъ, такъ какъ въ «Словѣ о полку Игоря» Дажьбогъ является прародителемъ, а въ лѣтописи онъ сравнивается съ подобнымъ существомъ у Египтянъ, царствовавшемъ на землѣ, слѣдовательно можно предполагать, что существовали какіе-нибудь миѳы о воплощеніи солнца и вообще о пребываніи его на землѣ въ человѣческомъ видѣ) и были миѳы, соотвѣтствующіе процессу отложенія отъ физическаго предмета, то эти миѳы должны были принадлежать къ числу первичнообразныхъ и малоразвитыхъ миѳовъ человѣчества; въ противномъ случаѣ, они, во-первыхъ, пустили бы отъ себя отпрыски другихъ развѣтвленныхъ миѳовъ, во-вторыхъ, они едва ли бы могли такъ утратиться, не оставивъ важнаго вліянія и отпечатка на народѣ, такъ долго сохранявшемъ слѣды пріемовъ языческой жизни. Есть извѣстіе объ обоготвореніи огня подъ миѳическимъ названіемъ Сварожича: «и огневи молятся, зовуть его Сварожичемъ»; но изъ этого самаго

извѣстія очевидно, что миѳическое названіе давалось самому веществу огня; такимъ образомъ, божество огня, нашъ Гефестъ, не отложилось еще отъ своего матеріала.

Остатки древнихъ миѳическихъ названій въ нашихъ пѣсняхъ очень незначительны. Къ нимъ принадлежать: имя Ладѳ, обыкновенно встрѣчаемое въ весеннихъ пѣсняхъ съ припѣвами: лелѳ-Ладѳ, и дѳду-Ладѳ; имя Кунала—въ смыслѣ народнаго праздника (по всѣмъ вѣроятіямъ, въ древности, отправлявшагося въ честь солища и воды); имя Морена—олицетвореніе воды или моря и вмѣстѣ—смерть, убивающая сила; быть-можетъ, сюда отнести слѣдуетъ и припѣвъ «ой дай Боже!», часто употребительный въ колядкахъ, допуская, что здѣсь сохранилось древнее призываніе Дажьбога, хотя, съ другой стороны, сомнѣніе въ справедливости такого толкованія не будетъ лишено основаній.

При такой скудости всего того, что можетъ указывать на признаки обособленія миѳовъ и отложенія ихъ отъ предметовъ физической природы, съ которыми они были связаны, природа является въ этихъ пѣсняхъ съ глубоко-древнимъ символическимъ и миѳическимъ характеромъ. Со многими предметами до сихъ поръ соединяются миѳы, хотя большею частію въ неясныхъ обломкахъ. Но еще болѣе въ южнорусскихъ пѣсняхъ со многими изъ явленій и предметовъ физической природы связано символическое значеніе. Мы, конечно, не станемъ утверждать, чтобы вся символика существующихъ теперь пѣсенъ была тою же и такою же, какою она была въ отдаленной языческой древности; многое утратилось, другое сбилось, перепуталось, иное видоизмѣнилось подъ вліяніемъ позднѣйшихъ условій или, оставаясь въ сущности древнимъ, до такой степени укрылось подъ повѣйшимъ способомъ выраженія, что уже кажется новымъ явленіемъ. Не слѣдуетъ забывать того, что народъ, послѣ принятія христіанства иродолжалъ жить съ прежними языческими воззрѣніями и привычками, сохранившимися до сихъ поръ, но въ то же время подвергался и вліянію своей послѣдующей исторіи. Эта живучесть древняго язычества, способствуя сохраненію главной сути старины, въ то же время способствовала и измѣняемости въ формахъ выраженія; древнія поэтическія міровоззрѣнія не могли сберегаться, какъ археологическія драгоцѣнности; они не были предметомъ благоговѣйныхъ воспоминаній объ отжившемъ, давно минувшемъ; они продолжали вращаться въ дѣйствительной духовной жизни народа и потому неизбѣжно должны были подчиняться

жизненному потоку и подвергаться видоизмѣненіямъ; отъ этого иныя формы возникали вновь, но непремѣнно на старой подкладкѣ. Ниже, при изложеніи символики, мы увидимъ, что нѣкоторыя символическія растенія въ Малороссіи носятъ латинскія названія, но самая ихъ символика и приемы, съ которыми она проявляется въ народной поэзіи, заставляють насъ видѣть въ сущности древнюю туземную основу. Вообще пріемы отношеній человѣка къ природѣ въ южно-русскихъ пѣсняхъ таковы, что могли образоваться только во времена господства мифологическихъ воззрѣній въ духовной жизни народа. Нѣтъ описаній ради самыхъ описаній, исключая развѣ самыхъ новѣйшихъ пѣсень; предметы физической природы всегда почти являются въ сопоставленіи съ явленіями нравственнаго человѣческаго міра; часто человѣкъ говоритъ съ ними, какъ съ подобными себѣ по разуму существами, часто и они отзываются ему человѣческимъ языкомъ, да и они сами между собою нерѣдко обращаются, какъ существа мыслящія и чувствующія по-человѣчески. Иныя, сохраняя постоянно одинъ главный символическій смыслъ, служатъ какъ бы іероглифами для выраженія человѣческихъ ощущеній. Однимъ изъ позднѣйшихъ видоизмѣненій, вѣроятно, слѣдуетъ считать сопоставленіе по созвучію, когда предметъ физической природы приводится, потому что его названіе созвучно съ какимъ-нибудь словомъ въ изображеніи человѣческаго состоянія; но и здѣсь едва ли можно искать причины такой формы въ одномъ только созвучіи и часто не трудно бываетъ подмѣтить, что сопоставляемый предметъ своимъ свойствомъ или обычнымъ уже символическимъ значеніемъ производилъ впечатлѣніе, которое способствовало появленію формы сопоставленія по созвучію. Однимъ словомъ, при всѣхъ неизбѣжныхъ отпечаткахъ, какіе наложили послѣдующія времена на символику народа, бесспорно истекающую изъ отдаленной древности, она въ южно-русскихъ пѣсняхъ сохранила свои глубоко древнія основы и приемы, что можетъ еще служить превосходнымъ источникомъ для уразумѣнія духа народа въ эпоху сѣдой древности, особенно при совмѣстномъ изученіи другихъ памятниковъ народнаго слова. Мы, однако, не касаемся послѣднихъ, такъ какъ цѣль наша—представить только то, что даютъ намъ исключительно пѣсни. Отсюда само собою разумѣется, что трудъ нашъ не будетъ ученымъ изслѣдованіемъ о язычествѣ и языческой древности нашихъ предковъ: довольно будетъ того, если, какъ мы надѣемся, изслѣдователи этой древности най-

дуть въ немъ указанія, болѣе или менѣе приведенныя въ порядокъ, на драгоценный и едва ли чѣмъ-либо замѣнимый матеріалъ для своихъ изслѣдованій.

Изъ всѣхъ славянскихъ пѣсень южно-русскія особенно богаты и важны для древней символики гораздо богаче великорусскихъ. Мы рѣшили изложить здѣсь народную символику, насколько она высказывается въ этихъ нѣсняхъ, раздѣливъ ее, сообразно естественной классификаціи и предметовъ, на четыре отдѣла: 1) символика небесныхъ тѣлъ и воздушныхъ явленій, 2) символика земли, мѣстностей и воды, 3) символика растений и 4) символика животныхъ.

Небесныя свѣтила.—Солнце луна и звѣзды чаще всего встрѣчаются въ колядкахъ, особенно всѣ виды вмѣстѣ. Это побуждаетъ думать, что празднество Рождества Христова замѣнило у нашихъ предковъ такое языческое празднество, которымъ чествовались небесныя свѣтила. Иногда солнце и мѣсяцъ, вмѣсто звѣздъ, являются съ дождемъ и вѣтромъ, иногда солнце съ мѣсяцемъ безъ звѣздъ.

Въ колядкахъ, особенно карпатскихъ, мы усматриваемъ слѣды міеологической исторіи, соединенной съ чествованіемъ небесныхъ свѣтилъ. Божья мать идетъ по «давней» тропинкѣ; ищетъ она своего сына. Она встрѣчаетъ свѣтлое солнце.—Помогай Богъ, мать Божія! говоритъ ей солнце.—Дай Богъ тебѣ здоровья, свѣтлое солнышко! отвѣчаетъ ему Божія мать.—Ты, солнышко, высоко свѣтишь, далеко видишь,—не видало ли ты моего сына?—Солнце отвѣчаетъ ей: Не видало, не слыхало.—Идетъ она дальше и встрѣчаетъ мѣсяцъ. То же привѣтствіе, тотъ же вопросъ. Мѣсяцъ отвѣчаетъ то же, что солнце.—Божія мать встрѣчаетъ звѣздочку:—Ты, звѣздочка, высоко восходишь, далеко видишь,—говоритъ она,—не видала ли ты моего сына?—Звѣздочка отвѣчаетъ: И видала и слыхала, онъ стоитъ на горной равнинѣ и устраиваетъ свадьбу ¹⁾.

¹⁾ Ой доловъ, доловъ на полонині,

Славенъ си, нашъ милій Боже,

На високости славенъ есь!

Тамъ ми лежить давно стежейка,

Ойшла ми нѣвъ Біжая мати,

А стрічать ей свѣтле сонейко,

Бігъ помогай, Бігъ, Біжая мати!

«Боже, дай здоровья свѣтле сонейко!»

Что здѣсь Божія (вѣроятно) замѣнила собою другое опенское языческое божество, видно изъ того, что въ другой колядкѣ то же самое, что здѣсь, относится ко вдовицѣ, и конецъ пѣсни нѣсколько иной. — И здѣсь сынъ той, которая о немъ спрашиваетъ, устраиваетъ свадьбу, но уже ясно — себѣ; у него, Иваненька, какъ онъ называется въ этомъ вариантѣ, сваты — лѣсныя птицы, соловьи — музыканты; мелкая рыба ему жена, а водяная лоза дружина ¹⁾).

«А ти, сонейко, високо світишъ,
«Високо світишъ, далеко видишъ,
«Цись не виділо моего сина?
— Ніть, не виділо, ніть, не слыхало. —
Ой пішла жъ она дале стежейковъ,
Ой стрічать ей ясенъ місячокъ
— Бігъ, помогай Бігъ, Біжая мати!
«Боже дай здоровья, ясенъ місячокъ!
«А ти, місячну, високо світишъ,
«Високо світишъ, далеко видишъ.
«Ци есь не видівъ моего сина?
— Нігъ, я не видівъ, ніть я не слыхавъ.
Ой пішла жъ она дале стежейковъ.
Та стрічать ей ясна зірничка,
— Бігъ помогай ті, Біжая мати! —
«Боже, дай здоровья, ясна зірничко.
«А ти, зірничко, високо сходишъ,
«Цись не виділа моего сина?
— Ой я виділа, ой я слыхала,
Ой доловъ, доловъ на полонині,
Тамъ овінъ стоить, весілля строить.
(Гм. 1864. I, 38).

¹⁾ Ходить вдовійка, глядять синойка,
Ей стрічать ей світле сонейко:
«Бігъ, помогай Бігъ, світле сонейко!
— Боже, дай здоровья бідна вдовице! —
«А ти, сонейко, яснейко світинъ,
«Яснейко світишъ, далеко видишъ.
«Цись не видало мого синойка,
«Мого синойка, ей Ивановка». —
— Ніть, не видало, ніть, не слыхало! —

Тотъ же вопросъ дѣлается такимъ же порядкомъ мѣсяцу, а потомъ вдова встрѣчаетъ звезду:

Изъ третьей колядки можно даже предположить, что эта вдовица могла быть ни кто иная, какъ то же солнце, а мужъ ея, отецъ новорожденного—мѣсяцъ, звѣзды же—его братья, и что, при послѣдующемъ смѣшеніи образовъ, меньшее существо, играющее здѣсь главную роль, до того отдѣлилось отъ солнца, съ которымъ было тождественно, что даже говоритъ съ нимъ какъ съ постороннимъ. Въ этой колядкѣ Ивановко или Иванцѣ ноѣхалъ за горы за виномъ (поѣхавъ до гіръ на вино) или, можетъ-быть, за виноградомъ, потому что въ карпатскихъ пѣсняхъ нерѣдко виноградныя ягоды называются виномъ. Встрѣтили его семь разбойниковъ. Они стали вывѣдывать у него, есть-ли у него отецъ, мать, братья и сестры, Иванцѣ открываетъ имъ, что у него отецъ—мѣсяцъ, мать—солнце, сестры—звѣзды, да еще прибавилъ брата—сокола, уже не на небѣ, а на землѣ, что, впрочемъ, на символическомъ нѣсенномъ языкѣ означаетъ удалаго красиваго молодца ¹⁾).

«А ти, зірничко, високо сходишъ,
«Високо сходишъ, далеко видишъ,
«Цись не виділо мого синойка,
«Мого синойка, ей Ивановка?»

— Ой я видала, ой я слыхала
— Твого синойка, ей Ивановка;
— Ему сваткове—въ лісі птачкове,
— Ему музики—въ лісі словики,
— Ему жіночка—дрібна рибойка,
— Ему дружина—въ воді лозина.

(*ibid.* 44).

*) Поїхавъ Иванцѣ до гіръ на вино,
Самъ молодъ, гей самъ молодъ,
Самъ молодекий,
У тимъ лісойку у зеленейкимъ спочивать;
Подибали жъ го сімъ розбійниківъ.
Стали ся его вивідовати:
«Ци маешъ ти, Иванцю, рідногъ батейка?»
— Въ мене батейко—ясень місячокъ!
«Ци маешъ, Иванцю, рідну матінку?»
— Въ мене матінка—ясне сонейко!
«Ци маешъ, Иванцю, рідну сестройку?»
— Въ мене сестройка—ясна зірнойка!
«Ци маешъ, Иванцю, рідного братейка?»
— Въ мене братейко—сивъ соколойко.

(*Чт. 1866 г. 53.*)

Не удивительно такое разнообразіе и противорѣчіе въ пѣсняхъ: вообще мифологическое представленіе о солнцѣ вездѣ подвергалось противорѣчивымъ образамъ,—солнце представлялось то мужскимъ, то женскимъ существомъ, то братомъ, то мужемъ, то женою мѣсяца. Мы едва ли ошибемся, если въ этомъ ново-рожденномъ младенцѣ, о которомъ идетъ рѣчь во многихъ колядкахъ на разные лады, будемъ видѣть рождающійся годъ, возвращающуюся силу жизни, которая проявляется въ природѣ возрастаніемъ солнечной теплоты и у всѣхъ почти племенъ, сколько извѣстно, въ болѣе ясныхъ или тусклыхъ образахъ выразилась представленіемъ о рождающемся божествѣ. Къ этому образу относится также карпатская колядка объ Оленѣ, называемой «Матерью Бога милаго», колядка, которой половина есть варіантъ, приведенной нами колядки о матери; но послѣ того, какъ звѣздочка объявляетъ матери о ея сынѣ, начинается описаніе съ христіанскими признаками ¹⁾.

Въ святочныхъ пѣсняхъ поется о ностроеніи храма или церкви; въ ней одно окно—солнце, другое—мѣсяцъ, третье—звѣзда

- ¹⁾ «Эй я виділа, ей я стрітила,
«Синойка твого, Бога милого,
«Пішовъ же овінъ на монастирі,
«Сами му ся врата й отворили,
«Сами му дзвони передзвонили,
«Сами му свічи та взагарили,
«Свічи взгаряли, ангели грали.
«Поздри, панночко, у гору високу,
«А на тій горі три деревини,
«А на тій дереві крести роблено,
«Крести роблено, Христа мучено».
Поздрила она на гору високу,
На горі високій три гроби лежить:
У однімъ гробі лежить самъ Господь,
А въ другімъ гробі лежить синъ Божій,
А въ третімъ гробі сама Пречиста;
Предъ самимъ Богомъ ангели грають,
Предъ синомъ Божимъ свічи вгарають,
Предъ святовъ Пречистовъ ружа проквітатъ.
А зъ тої ружі пташокі вилітатъ,
Пташокъ вилітатъ по цілімъ світу,
По цілімъ світу то росповідатъ.

или звѣзды. Этотъ образъ мы встрѣчаемъ въ колядкахъ въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи обыкновенно съ примѣненіемъ солнца къ хозяйкѣ, мѣсяца къ хозяину, а звѣздъ къ его дѣтямъ !). Но въ галицкихъ колядкахъ строеніе такой церкви приписывается вороному коню.

Сынъ разгнѣвался на отца и отдѣлилъ для себя изъ стада воронаго коня. Стадо пошло на тихій Дунай на золотые мосты. Обвалились золотые мосты, потонуло стадо, погибъ и вороной конь. По этому поводу вспоминаются, отъ лица сына, разгнѣвавшегося на отца, достоинства погибшаго коня ²⁾ «Онъ замѣчалъ все, что я ему покажу: ушами подслушивалъ, глазами считалъ звѣзды, копытами билъ бѣлый камень и строилъ церковь съ тремя окнами и съ тремя дверьми: первое окно—ясное солнце, второе окно—ясный мѣсяцъ, третье—ясная звѣзда; одними дверьми самъ Господь входилъ, другими св. Пречистая, третьими св. Николай.»

- 1) Ой на горі на камяній
Тамъ волохи церкву ставляють,
Церкву ставлять, вікно будують,
Одно віконце—яснее сонце,
Друге віконце—ясенъ місячокъ,
Трете віконце—ясні зірки,
Ясне сонечко—то господнія,
Ясенъ місячокъ—то господарь,
Ясні зірочки—то его діточки.

(Метл. 343.)

Или

Що на небі місяць—то нашъ господарь.

Що на небі зірки—то ёго дітки,

Що на небі сонце—то ёго жінка.

- 2) Ой бо вінъ мене добре потовавъ.

А ушеньками слухи слуховавъ,

А оченьками звѣзды раховавъ,

А конитами білъ камінь лупавъ,

Білъ камінь лупавъ, церковь муровавъ,

Съ трома віконцями, съ трома дверцями,

Одно жъ оконце—ясное сонце,

Друге жъ оконце—чомъ ясенъ місяць,

Трете жъ оконце—ясна зірниця,

Одними жъ дверци самъ Господь ходять,

Другими дверци—свита Пречиста,

Третими жъ дверци—святий Миколай.

(Чт. 1866. 1. 609).

Едва ли можно оспаривать, что личности христіанскаго міра представлены или представлены послѣ и притомъ до крайности непрочны и не кстати. Повидимому, храмъ, въ которомъ окна — солнце, мѣсяцъ и звѣзды, долженъ означать небо, а гнѣвъ сына на отца даетъ поводъ полагать, что въ языческой древности было что-то похожее на борьбу юныхъ божествъ съ старѣйшимъ поколѣніемъ. Чудный конь—выраженіе творческой силы—божескій конь, конечно, стоитъ въ ближайшемъ отношеніи и съ конями Перкуна (deewe sigai) и съ конями Одина и, вѣроятно, еще ближе съ конемъ Свентовита, котораго холили и кормили жрецы при храмѣ этого божества въ Арконѣ.

Безразличное отношеніе звѣздъ къ людской жизни удалило въ пѣсняхъ звѣзды отъ мѣсяца и солнца; онѣ замѣстились дождемъ и отчасти вѣтромъ. Въ тѣхъ же карнатскихъ колядкахъ, на которыя мы указываемъ, какъ на самый богатый запасъ остатковъ языческой старины въ народной поэзіи, солнце, мѣсяцъ и дождь являются тремя братьями; мѣсяцу приписывается сила замораживанья, солнцу—размораживанья, а дождь даетъ зелень ¹⁾. Женская личность, которая переименовалась то въ христіанское имя Богородицы, то въ неопредѣленное названіе вдовицы, сама происходитъ изъ источника, который образовался изъ слезъ, нававшихъ изъ очей какого-то лица, которому въ колядкѣ усвоено имя Николая. Она бѣлила ризы и крѣпко заснула; къ ней приходятъ три гости неодинакіе: то были солнце, мѣсяцъ и дождь. Солнце хвалить себя и говорить: «Нѣтъ никого важнѣе меня: я какъ взойду—освѣщу церкви, костелы и всѣ престолы».

1) Зъ за тои гори, зъ за високоі,
Видни ми виходять трѣхъ братівъ ріднихъ:
Едень братцейко—світле сонейко,
Другий братцейко—ясець місячокъ,
Третій братцейко—дробенъ дождейко,
Місячокъ ся бере заморозити
Гори й долини и верховини,
Глибокъ поточейки и бистри річейки;
Сонейко ся бере розморозити
Гори й долини и верховини,
Глибокъ поточейки и бистри річейки;
Дождчикокъ ся бере зазеленити
Гори, долини и верховини.

Місяць говорить: «Нѣтъ никого важнѣе меня: я какъ взойду—освѣщу гостей на дорогѣ, воловъ въ возѣ». А дождь говорить: «Я какъ пойду три раза на яровой хлѣбъ—возрадуются жита, пшееницы и всякая ярина» ¹⁾).

Эти же три гостя въ другой колядкѣ изображаются приходящими къ тому хозяину, которому колядуютъ, и ему говорятъ тѣ же самыя слова о своихъ достоинствахъ, какія говорили Богородицѣ ²⁾. Въ той же колядкѣ приходитъ въ гости къ хозяину

- ¹⁾ Ой двори метени, столи стелени,
А за тымъ столомъ св. Никола,
Головойку схиливъ, слезойку вронивъ,
А зъ той слезойки ясна керничка,
Зъ ясной кернички Богородичка,
Риза білила. твердо заснула!
Прийшли до неї гостейки трое,
Гостейки трое не однаки,
Еденъ гостейко—ясне сонейко,
Другий гостейко—ясенъ місячокъ,
Третій гостейко—та дробенъ дожчикъ.
Сонейко гварить: не е надъ мене!
Ой якъ я зйіду въ недѣлю рано,
Поосвічаю церкви, костѣли.
Церкви, костѣли и всі престоли.
А місяць гварить не е надъ мене!
Ой якъ я зйіду въ ночи съ нівночи:
Поосвічаю гості въ дорозі.
Гості въ дорозі, волойки въ возі,
А дожчикъ гварить: не е надъ мене!
Ой якъ я впаду три рази на яръ,
Та зрадуются жита-пшеениці,
Жита-пшеениці и вся ярина

(Чт. 1864. 1. 40)

- ²⁾ Та вжежъ до тебе въ рікъ Бігъ приходитъ,
Въ рікъ Бігъ приходитъ—три товарищи;
Первий товаришъ—ясне соненько,
Другий товаришъ та білий місяць,
Третій товаришъ—дрібний дожчикъ.
А що жъ намъ рече первий товаришъ,
Первий товаришъ—ясне соненько?
— Ой якъ зйіду разомъ зъ зорями,
Та врадуюся весь миръ на земли.
А що жъ намъ рече другий товаришъ,

самъ Богъ съ товарищами: первый товарищъ—ясное солнышко, другой—бѣлый мѣсяцъ, а третій—дробный дождикъ. Смыслъ таковъ, что пришествіе Бога знаменуется собственно приходомъ однихъ только этихъ товарищей. Поется еще колядка, гдѣ разсказывается, какъ хозяинъ готовится столъ и проситъ Бога къ себѣ на вечерю. Въ одно окно свѣтитъ солнце, въ другое—мѣсяцъ, кругомъ ясныя звѣзды. Приходитъ Богъ съ Богородицею и святыми, а хозяинъ угощаетъ Бога зеленымъ виномъ, Богородицу сладкимъ медомъ, а святыхъ производящею горилкою¹⁾. Въ Карпатской щедрівкѣ²⁾ (поется наканунѣ Нового года) по-

Другий товарищъ—та білий місяць?

— Ой якъ я зйду темнон ночи;

Та радуєся весь миръ на землі.

А що намъ рече третій товарищъ,

Третій товарищъ—дрібний дощикъ?

Ой якъ я зйду разомъ зъ зорями,

Та радуєся жито-пшениця,

Житій пшениця и всяка пашниця,

Ой якъ зйду місяця мая,

То радуєся весь миръ на землі.

(Чт. 1864. 1. 19—20).

¹⁾ Просить Боженька на вечереньку,—

Въ одно віконце світить му сонце,

Въ друге віконце та ясенъ місяць,

Ясні зорі світять въ-около.

Посадивъ Бога посередъ стола,

Святу Пречисту при другіємъ столі,

Уси свягні на-вколо неі,

Пріймає Бога зеленимъ виномъ,

Святу Пречисту солодкимъ медомъ,

Усі святні шумновъ горішковъ.

(Чт. 1864. 1. 31).

²⁾ Ой вірле вірле,

Сивий соколе!

Високо сядишъ, далеко видишъ,

Сідай ти собі на синімъ морі:

На синімъ морі корабель въ воді.

Въ тямъ кораблику трое воротці:

Въ першихъ воротейкахъ місячокъ світить,

Въ другихъ воротейкахъ—сонейко зходить,

Въ третіхъ воротейкахъ—самъ Господь ходить,

Самъ Господь ходить, ключи тримає,

Ключи тримає—рай одмикає.

Рай одмикає, души выпускає, и пр.

сылается орелъ (въ одномъ стихѣ онъ названъ орломъ, а въ другомъ замѣненъ соколомъ) сѣсть на море. И онъ сидитъ на морѣ и видитъ, какъ плыветъ корабль съ тремя воротами: въ однихъ воротахъ—свѣтитъ мѣсяць, въ другихъ восходитъ солнце, а въ третьихъ—самъ Господь держитъ ключи, отворяетъ и выпускаетъ души. Христіанское вліяніе прибавило къ этому, что не выпускаются туда тѣ души, которыя не уважали родителей, обижали старшихъ братьевъ и сестеръ. Господь, отворяющій рай, вѣроятно, тождественъ съ тѣмъ лицомъ, которое въ одной веснянкѣ отпираетъ небо и выпускаетъ весну, а по другому варианту росу.

Въ колядкахъ и щедрівкахъ частая форма представлять хозяина—мѣсяцемъ, его жену—солнцемъ, а дѣтей его—звѣздами, это выражается съ разными измѣненіями. Какъ на особенно оригинальный оборотъ, мы укажемъ на одну колядку, въ которой говорится, что плывъ ¹⁾ по рѣкѣ кленовый листъ и на немъ написано три имени: солнца, мѣсяца и звѣздъ; солнце означаетъ хозяйку, мѣсяць—хозяина, а звѣзды—его дѣти, точно также, какъ и въ приведенномъ выше образѣ построенія церкви съ тремя окнами.

Солнце (одно). Изъ историческихъ памятниковъ намъ извѣстно, что русскіе въ язычествѣ боготворили солнце, и, какъ оказывается, у нихъ была мифологическая исторія о царствованіи его подъ именемъ Дождь-Бога. Есть одна пѣсня, въ которой съ перваго раза можно признать (какъ нѣкоторые ученые и дѣлали) слѣды явнаго боготворенія солнца. Въ этой пѣснѣ женщина, обращаясь къ солнцу, называетъ имя Бога ²⁾.

¹⁾ Тамъ плавае кленовъ листокъ,

На тмѣ листку написано

Три пнсьмечка:

Первое пнсьмо—ясень місячокъ,

Другое пнсьмо—ясне сонечко,

Третье пнсьмо—ясні зорі.

Ясний місячокъ—самъ господарь,

Ясне сонце—ѣго жінка,

Ясні зірки—ѣго діти

(Метл. 342).

²⁾ Ой піду я темнимъ лугомъ,
Оре милий своїмъ плугомъ,
Чужа мила поганая,
Нкъ сонечку промовляє:

Но трудно утверждать, что она подъ этимъ словомъ Богъ разумѣетъ солнце. Быть-можетъ, она произноситъ эти слова: помогай Боже, какъ междометіе, равносильное «дай Богъ».—Во всякомъ случаѣ, здѣсь все-таки обращеніе къ солнцу, какъ къ живому существу. Вѣроятно, слѣды древняго уваженія къ солнцу отразились и въ одной карпатской пѣснѣ, совершенно проникнутой, впрочемъ, христіанскимъ элементомъ. Въ ней говорится, что ясное солнышко жаловалось Богу на людскія беззаконія: «не буду», говоритъ оно, «рано всходитъ свѣтъ освѣщать; стали теперь злые хозяева: въ воскресный день рано дрова рубить, а мы въ лицо летятъ щенки; злыя хозяйки въ пятницу рано бучать платки, а мы на лицо выбрасываютъ золу, а злыя дѣвушки въ воскресные дни рано чешутъ косы и мечутъ мы въ лицо волосы» ¹⁾).

Богъ отвѣчаетъ ему: «Свѣти, солнышко, такъ, какъ свѣтило. Я буду знать, какъ покарать ихъ на томъ свѣтѣ, на страшномъ судѣ».

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ солнце изображается колесомъ,—представленіе старое, общее многимъ мифологіямъ ²⁾), также и яб-

Поможь, Боже, чоловіку,
Щобъ такъ оравъ поколя віку!

(Метл. 57).

¹⁾ Скаржилось світле сонейко,
Світле сонейко милому Богу:
Не буду, Боже, рано схожати,
Рано схожати, світ освѣшати,
Бо зли газдове понаставали,
Въ неділю рано дрова рубали,
А ми до личка тріски падали;
Бо зли газдини понаставали,
Въ пнтийку рано хуста зворили,
А ми на лица золу виливали,
Бо зли дівочки понаставали,
Въ неділю рано коси чесали,
А ми до лица волоси метали.

(Маякъ XI, 51).

²⁾ Напр., въ веснянкѣ:
Кропивное (вѣроятно, жгучее—отъ кропъ, укропъ) колесо
По надъ лісомъ котиться.

Пли въ слѣдующей свадебной:

локомъ ¹⁾). Въ одной свадебной пѣснѣ оно представляется кунающимся въ разъяренномъ морѣ ²⁾). Образъ кунанья солнца въ морѣ встрѣчается и въ сказкахъ и есть остатокъ мифологическаго представленія объ отношеніяхъ солнца къ водѣ, какъ супруговъ.

Въ обыкновенныхъ житейскихъ и любовныхъ пѣсняхъ солнце не принадлежитъ къ предметамъ, особенно часто употребляемымъ. Вообще оно носитъ эпитетъ *ясное* и сохраняетъ въ поэзіи характеръ радостный, веселый. Есть народное выраженіе: «сонейко играло»; народъ вѣритъ, что солнце играетъ утромъ въ воскресные дни, особенно въ день Пасхи. Это выраженіе встрѣчается и въ пѣсняхъ ³⁾). Разсвѣтъ и восходъ солнца представляется временемъ особенно веселымъ и сравнивается съ веселымъ гуляньемъ ⁴⁾). Невѣста, возвращающаяся съ вѣнчанія или идущая къ вѣнцу, сравнивается съ солнцемъ, которое поднимается вверхъ по небу ⁵⁾).

Дѣвица называетъ своего возлюбленнаго своимъ солнцемъ ⁶⁾).

Колесомъ, колесомъ въ гору

Сонце йде

Въ нашій Маріи

Рай ся вѣе.

(Чт. 1864. I. 102).

- 1) Катилося яблочко зъ гори до долу;
Часъ вамъ, дівочки, зъ гулянья до дому.

- 2) У неділеньку рано
Море ся розъяряло;
Сонейко ся кунало.

(Лозинск. 12).

- 3) Ой у неділю рано сонечко грало;
Мати свого сина въ похідъ виряжала.

Или въ купальской:

Купала на Івана!

Играло сонечко на Івана.

- 4) Безъ малого соловейка и світъ не світає
Безъ мого миленького гуляньє не має.

И въ свадебныхъ пѣсняхъ поется:

Ой красно, красно, звідки сонечко ходить.

- 5) Сонечко горі йде;
Ганночка зъ вѣнчанія йде.

(Гильтебр. 83).

или

Въ крузі сонечко йде,

Молода Маруся до шлюбу йде.

- 6) Нема мого миленького, нема мого сонця.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ сопоставляется съ солнцемъ¹⁾. Какъ тучи закрываютъ солнце, такъ враги лишаютъ женщину присутствія милаго²⁾. А когда она лишается навсегда своего милаго, то блескъ солнца представляется ей противоположностью съ тьмою безнадежности въ ея душѣ³⁾. Закрытіе солнца тучами есть образъ печальнаго расположенія духа⁴⁾. Съ яснымъ солнечнымъ днемъ, когда вѣтеръ не даетъ солнцу слишкомъ грѣть, сравнивается млѣніе сердца, когда хотя не потеряна еще надежда, но нѣтъ въблизи милаго предмета⁵⁾.

Солнце—женскій образъ. Изъ приведенной колядки объ Иванцѣ, у котораго отецъ — мѣсяцъ, а мать — солнце, видны слѣды представленія солнца въ женскомъ видѣ и притомъ въ любовныхъ отношеніяхъ къ мѣсяцу. Въ одной веснянкѣ разговоръ дѣвицы съ молодымъ предпосылается, для сопоставленія, разговоръ солнца съ мѣсяцемъ; солнце спрашиваетъ мѣсяцъ: рано ли онъ восходитъ, поздно ли заходитъ? Мѣсяцъ недоволенъ этимъ вопросомъ: что тебѣ до этого? говоритъ онъ, — я всхожу на разсвѣтѣ, а захожу въ сумеркахъ⁶⁾.

1) Одсунь, Марусю, віконце.

Та подивись на сонце

Чи високо сонце на небі;

Чи хороший Пвасько на коні?

2) За тучами громовими сонечко не сходить,

За вражими ворогами мій милий не ходить.

3) Світить сонце, світить сонце, на хату леліє:

Не ма того и не буде на кого надія.

4) Ясно, ясно сонце сходить, хмарненько заходить.

Смутенъ, смутенъ нашъ отаманъ по табору бродить

Пли:

Ой яснонько сонце сходить, хмарненько заходить,

Изъ вечіра козаченько до дівчини ходить,

Нехай ходить, нехай ходить, аби не ледащо,

Хочь битиме дочку мати, такъ знатиме за що.

5) Ой соеленько ясно світить, вігеръ повіває,

Ой якъ и ёго не вижу, мое серце мліє.

(Метл. 443).

6) Ой тамъ за лісомъ, за боромъ,

За синенькамъ моремъ,

Тамъ сонечко грало,

Зъ місяцемъ розмовляло,

Місяця питаю:

Съ жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ сравнивается горячее сердце дѣвицы, а зимнее солнце уподобляется сердцу вдовы, уже пережившему пламень любви. Лѣтнее солнце хотя иногда и покрывается облаками, но все-таки даетъ теплоту, а зимнее хоть и ярко свѣтитъ, но не грѣетъ; вѣетъ тогда холодный вѣтеръ ¹⁾. Заходящее солнце, какъ соотвѣтственный образъ, сопоставляется съ кончиною человѣка. Такъ въ одной чумацкой пѣснѣ описывается сначала заходъ солнца, а потомъ смерть чумака ²⁾.

Но палящій жаръ, изсушающій растенія, наводитъ подобіе съ бѣдностью и лишеніями: такъ, въ одной пѣснѣ бѣдная женщина говоритъ, что недостатки изсушили ее, какъ ясное солнце изсушаетъ красную (червонную) калину. Однообразное теченіе солнца сравнивается съ блужданіемъ молодца, не знающаго отдыха и покоя ³⁾.

— Чи рано сходишъ, чи пізно заходишъ?—

— Ясное мое сонечко!

А що тобі до того,

До зіходу мого?

Я зійду світаючи,

А зійду смеркаючи.

¹⁾ У вдовы сердце, якъ зімнее сонце:

Ой хочъ воно ясенесенько грає,

Холодний вітеръ віє;

А въ дівчины сердце, якъ літнее сонце:

Хочъ воно й хмарнесеньке,

Все теплесеньке.

²⁾ Котилося та яснее сонце

По надъ горю,

А по надъ тею чумацькою

Та дорогою;

Та котилося та яснее сонце,

Стало примеркати;

Ой ставъ же той славний чумаченько

Товариства прохати:

Ой ви товарищи, ви милі братя,

Товарищи мої,

Та не кидайте мене, молодого,

У чужій стороні, и пр.

³⁾ Хожу блужу, хожу блужу, якъ те сонце въ крузі!

Чи я стану, чи я роблю, мое сердце въ тузі.

Місяць. Въ пісняхъ есть слѣды того міросозерцанія, при которомъ обращались къ этому свѣтилу, какъ къ разумному и могучему существу, и просили у него помощи. Это ясно указывается въ одной волинской веснянкѣ, гдѣ дѣвица идетъ ночью къ колодцу, находящемуся на горѣ подъ вербою, обращается къ мѣсяцу и проситъ объявить ему, за кого она выйдетъ—за милого или за нелюба ¹⁾. Въ другой піснѣ—обращеніе къ мѣсяцу съ просьбою засвѣтитъ на весь прекрасный міръ, спуститъ внизъ рога свои, освѣтитъ дуброву и показать стѣнные дороги. Такое обращеніе можно почестъ остаткомъ языческой молитвы ²⁾. Въ галицкой свадебной піснѣ полумѣсяць, окончивъ свой путь и освѣтивъ только половину земли, приходитъ къ морю и не почиваетъ, а говоритъ: Вотъ, Господи Боже, еслибы я былъ цѣль, я бы всю землю освѣтилъ ³⁾. Въ болѣе слабой степени, чѣмъ приведенные образчики, носятъ на себѣ слѣды того же первобытнаго отношенія къ свѣтилу, какъ къ разумному существу, нерѣдкія въ любовныхъ пісняхъ обращенія къ мѣсяцу; напр., молодець проситъ мѣсяць свѣтитъ ему на то время, пока онъ перебредетъ рѣку, идучи къ своей милой ⁴⁾.

- ¹⁾ Ой на горі подъ вербою
Стоявъ колодязъ зъ водою;
Тамъ дівчинонька воду брала.
До місяця промовляла:
Мій місяченьку, мій батеньку.
Скажи мні всю правдоньку:
Чи я піду за милого,
Чи я піду за нелюба.
- ²⁾ Ти місяцю, який же ты ясний!
Ой засвіти на весь світъ прекрасный!
Ой спусти внизъ роги,
Засвіти по діброві,
Покажи всі въ степу дороги!
- ³⁾ Половиною місяченько на небі
Половину землю освітивъ,
Прийшовъ надъ море, не спочивъ:
Ой, милий Боже, коби цілий,
То би землею освітивъ.

(Лозиск. 23)

- ⁴⁾ Ой засвіти, місяченьку, тими долинами,
Куда иде мій миленькій на нічъ зъ волоньками.
Ой місяцю, місяченьку, не світи нікому,
Тільки мому миленькому, якъ иде до дому.

Также дѣвица обращается къ мѣсяцу и просить, чтобъ онъ свѣтилъ ей милому, когда милый пойдетъ отъ нея домой или въ долину съ своими волами, но чтобъ не свѣтилъ ему и зашелъ въ тучу, когда милый пойдетъ къ другой дѣвицѣ ¹⁾. Молодые люди обоего пола сходятся на почныя игрища (улицы), и такихъ игрищъ можетъ быть нѣсколько въ одномъ селѣ; и вотъ дѣвицы, посѣщающія одну изъ этихъ улицъ, просятъ мѣсяцъ къ себѣ на улицу, потому что у нихъ на улицѣ красивые молодцы ²⁾. Такъ какъ эти улицы оканчиваются обыкновенно парными любовными свиданіями, то дѣвушка проситъ мѣсяцъ покровительствовать ея свиданію съ милымъ и называетъ мѣсяцъ перекроемъ, то есть «перекрывающимъ» любовниковъ, такъ какъ слабый свѣтъ его благоприятствуетъ тайнымъ свиданіямъ ³⁾. Дѣвица проситъ мѣсяцъ и звѣздочку не свѣтить, когда на вечерницахъ нѣтъ ея милого, и свѣтить, когда онъ тамъ ⁴⁾. Иногда даже дѣвица требуетъ отъ мѣсяца невозможнаго, напр., чтобъ онъ разбился на двѣ половины и одною свѣтилъ ей, а другою ея милому.

Мѣсяцъ часто является въ пѣсняхъ съ звѣздой (зорею), которая изображается его сестрою. Въ свадебныхъ пѣсняхъ поется: посылала звѣзда къ мѣсяцу: мѣсяцъ, мой братецъ! не выходи раньше меня; взойдемъ оба разомъ, освѣтимъ небо и землю; ужаснется звѣрь въ полѣ, обрадуется путникъ въ дорогѣ ⁵⁾. Въ

¹⁾ Ой засвіти, місяченьку, тай розжени хмару,
А якъ піде до другої, то зайди за хмару.

²⁾ Перейди, місяцю,
Та на нашу улицу,
А на нашій улиці
Та все хлопці молодці.

³⁾ Ой місяцю перекрою, зайди за комору,
А я зъ своимъ миленькимъ трошки поговорю.

⁴⁾ Не світи, місяченьку, не світи, зірнице,
Нема мого миленького—смутні вечериці....
Світи, світи, місяченьку, най світять зірниці...
Есть мій милий чернобривий—веселі вечериці.

⁵⁾ Слала зоря до місяця:
Місяченьку, мій братику,
Не зіходь попередъ мене,
Та зійдемо обое разомъ,
Освітимо небо и землю,
Та острахнется звірь у полі,
Та зрадується гість у дорогі.

галицкой колядкѣ поется, что мѣсяць шелъ посломъ отъ Бога къ хозяину (которому колядуютъ) съ извѣстіемъ, что къ нему будетъ въ гости самъ Богъ. Сестра звѣздочка просила его подождать, но мѣсяць отвѣчалъ, что ему надобно спѣшить: онъ въ послахъ отъ Бога ¹⁾).

Въ другихъ пѣсняхъ мѣсяць и звѣздочка не братъ и сестра, а между ними показываются какъ будто любовныя отношенія. Такъ, въ одной, очень распространенной, пѣснѣ вечерняя звѣзда говоритъ, что ей неприлично всходить «противъ» мѣсяца (или прежде его), какъ и дѣвицѣ неприлично выходить самой къ казаку прежде его ²⁾). И молодецъ съ дѣвицею, какъ пара, ставятся въ подобіе мѣсяца и звѣздочки ³⁾). Восходъ мѣсяца—образъ брака;

Нлк:

Слава зоря до місяця:
Ой місяцю, мій товаришу,
Не зіходь ти раннішъ мене:
Изійдемо обое разомъ.
Освітимо небо и землю!
Зрадується звірь у полі,
Звірь у полі, гість у дорозі.
Слава Маруся до Ивасенька:
Ой Ивасе, мій сужений,
Не сідай на посаді раннішъ мене.
Ой сядемо обое разомъ,
Звеселімо два двори разомъ.
Ой перший двіръ—батька мого,
А другий двіръ—батька твого.

(Метл. 184).

¹⁾ Ой ишовъ місяць черезъ небійоко,
За нимъ зірничка ёго сестричка:
Місяце брате, почекай мене.
Я не чекаю, бо часу не маю,
Бо иду въ післі відъ Господа Бога,
Відъ Господа Бога до ёго мосценьки.

²⁾ Не подоба зірці противъ (по другому варианту—раньше) місяця зіходити,
Не подоба дівці противъ (по другому варианту—прежде) казака ви-
ходити.

³⁾ Зійшла зоря, зійшла зоря, місяць опізнився,
Вийшла дівка на улицю, козакъ опізнився.

Метл. 118.

дѣвица говорить, что она жала рожь, но не вязала сноповъ, — любила молодца, но не говорила ему правды; что она тогда снопы повижетъ, когда мѣсяцъ взойдетъ; тогда скажетъ правду милому, когда онъ возьметъ ее за себя замужъ ¹⁾. Молодецъ, находясь посреди множества дѣвицъ, выбираетъ себѣ одну и чувствуетъ недостатокъ, когда ея нѣтъ съ нимъ; и у мѣсяца изъ многихъ звѣздъ есть любимая звѣздочка ²⁾. Нерѣдко замѣчаемое явленіе на небѣ, что какая-нибудь звѣзда случайно какъ будто идетъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ, подало поводъ къ составленію такого представленія, что звѣзда сопровождаетъ мѣсяцъ, какъ его близкій другъ. Время явленія мѣсяца вмѣстѣ со звѣздочкою считалось счастливымъ временемъ для рожденія, и казакъ, родившійся въ такое время, успѣваетъ во всемъ, что задумаетъ, особенно въ любви ³⁾. Въ этомъ же смыслѣ молодецъ приглашаетъ мѣсяцъ и звѣздочку свѣтитъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находится предметъ его сердечнаго вниманія ⁴⁾. Поэтому и въ свадебныхъ пѣсняхъ,

Или:

Вийди, вийди, молода дівчино,
Поговоримъ зъ тобою,
Якъ місяць зъ зорею...

Или:

Зійшовъ місяць, зійшовъ місяць и вечірні зорі,
Ой поспішай, козаче, бо дівчина не твоя!

- ¹⁾ Тоді снопи вязатиму,
Коли місяць зійде;
Тоді скажу ёму правду,
Якъ вінъ мене візьме.

- ²⁾ Усі мої звіздочки,
Усі зо мною,
Та всі, мої ясні,
Передо мною,
Тільки моєї зірочки
Нема зо мною,
Одної моєї ясної
Нема зо мною.

- ³⁾ Зійшовъ місяць изъ зорею, та й обгородився.
Счастливого годиноньки козакъ уродився,
Куди вінъ подумає, тои Богъ помагає,
Черезъ ту дівчиноньку, що ёго кохає.

- ⁴⁾ Світи, світи, місяченьку, и ти, зоре ясна!
Ой світить тамъ на подвір'ї, де дівчина красна.

величая жениха и желая ему счастья, поютъ, что мать обгородила его мѣсяцемъ и опоясала солнцемъ ¹⁾. Мать певѣсты, отправляя по-вобрачную въ домъ мужа, даетъ ей въ проводники и покровители мѣсяцъ и звѣздочку ²⁾. Сами новобрачные уподобляются мѣсяцу и звѣздочкѣ ³⁾. Въ смыслѣ пары въ колядкахъ хозяина сравниваютъ съ мѣсяцемъ ⁴⁾, а хозяйку съ звѣздочкой ⁵⁾. Но съ мѣсяцемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ звѣздочкою, сравнивается въ другой колядкѣ сама дѣвица ⁶⁾.

Такъ какъ въ поэтическомъ представленіи народа составилъ образъ, что мѣсяцъ и звѣздочка—любовная пара, то въ пѣсняхъ является по нѣскольку мѣсяцевъ разомъ. Въ весеннихъ пѣрахъ пересчитываются присутствующіе молодцы, и всякій изъ нихъ называется мѣсяцемъ ⁷⁾, съ прибавленіемъ его собственнаго имени; точно также пересчитываются присутствующія дѣвицы и каждая называется звѣздочкою, съ прибавленіемъ ея собствен-

Плн:

Світи, місяцю ще й ясна зори,
Тею улицею, де живе вдова.
Есть у тои вдови дочка молода.

1) Місяцемъ обгородила,
Сонечкомъ підперезала.

2) Отсе тобі проводничокъ—
Ясний місячокъ.
Отсе тобі проводничка—
Ясна зірниця

(Метл. 228).

3) Сіяла зірочка, сіяла;
Зъ кимъ ты, Марьечко, шлюбъ брала?
Зъ тобою, Ивасю, зъ тобою,
Якъ ясний місяць зъ зорею.
Почимъ ти мене, Марьечко, пізнала,
Що ти мене місяцемъ назвала?
Помові, помові,
Що бувъ царський вінець на голові.

4) По двору ходить, якъ місяць зходить.

5) По сіяяхъ зходить, якъ зоря зходить.

6) Ой рясна красна калина въ лузі,
А ще красиша (имярекъ отца) дочка;
По двору ходить, якъ місяць сходить,
Въ сінечки вийшла, якъ зоря зійшла.

7) Первий місячокъ—молодий Василько,
Другий місячокъ—молодий Иванько.

наго имени ¹⁾); а потомъ соединяють молодцовъ и дѣвиць попарно, указывая, что такая-то дѣвушка—звѣздочка такого-то мѣсяца ²⁾). Въ такомъ же смыслѣ въ одной галицкой пѣснѣ два солдата называются двумя мѣсяцами ³⁾), подобно тому, какъ въ словѣ объ Игоревоу походѣ два княжича названы двумя мѣсяцами. Но такъ какъ народъ подмѣтилъ, что мѣсяць не всегда идетъ по небу со звѣздочкою и не всегда одна и та же звѣздочка провожаетъ его, то мѣсяць получилъ прозвище непостояннаго (перебѣрчика) ⁴⁾); и если сближеніе молодца и дѣвицы нашло себѣ подобіе въ отношеніяхъ мѣсяца и звѣздочки, то разлука и непостоянство также находятъ себѣ подобіе на небѣ ⁵⁾). Съ мѣсяцемъ сравнивается молодець, которому дѣвицы не должны вѣряться ⁶⁾). Тотъ же смыслъ и въ той пѣснѣ, гдѣ, утѣшая дѣвицу, плачущую о невѣрномъ, говорятъ ей, что она полюбила молодца *стоя по мѣсяцу* ⁷⁾). Сообразно съ этимъ представленіемъ о мѣсяцѣ, съ мѣсяцемъ сравнивается волокита, подбирающійся

- ¹⁾ Первая зірка—молода Оленка,
Другая зірка—молода Маруся.

Пли:

Черезъ наше село везено деревце.
Везено деревце зъ за моря далеко,
А зъ того деревця зроблено комірку.
Стояло світило місяцівъ чотири.
У тій комірці роблено кровати.
Стояло світило зірочокъ чотири;
На тій кровати дівочки спали,
Дівочки спали, пісні співали.

- ²⁾ Молода Оленка—Василькова зірка,
Молода Маруся—Иванькова зірка.
³⁾ У Тарнополі два місяченьки ясні,
Ой вандрували два жовніроньки красні.
⁴⁾ Перебѣрчику, місяченьку, перебѣрчику,
Усіхъ зірочокъ перебравъ.
Одну собі зірочку сподобавъ.
⁵⁾ Розійдемось, серце, зъ тобою,
Якъ на небі місяць зъ зорею.

(Метл. 58).

- ⁶⁾ Зійшовъ місяць, нема ёму впину,
Не стій, дівко, зъ парубкомъ, не йми ёму віри.
⁷⁾ Не плачь, не плачь, дівчинонько, така твоя доля,
Полюбила козаченька по мѣсяцу стоя.

къ чужой жепѣ и получившій за то наказаніе ¹⁾). Свѣтъ мѣсяца, холодный и слабый, сопоставляется съ томленіемъ сердца ²⁾, а отсутствіе солнца и свѣтъ мѣсяца, вмѣсто солнца, выражаетъ грусть, сопровождая печальное прощанье матери съ сыномъ ³⁾).

Звѣзды. Во множественномъ числѣ это слово рѣдко встрѣчается въ народной поэзіи. Исключеніе составляютъ тѣ обрядныя пѣсни, о которыхъ мы говорили уже, и гдѣ звѣзды встрѣчаются вмѣстѣ съ солнцемъ и съ мѣсяцемъ или съ однимъ мѣсяцемъ. Есть, кромѣ того, немногія мѣста въ пѣсняхъ, гдѣ говорится, и то всколзь, о звѣздахъ, напр. сравниваются копны хлѣба съ звѣздами ⁴⁾ (въ заживныхъ пѣсняхъ и колядкахъ) или молодецъ приглашаетъ дѣвицу считать звѣзды, что означаетъ провозженіе времени ночью на воздухъ ⁵⁾. Гораздо чаще въ пѣсняхъ упоминается одна звѣздочка (зірка или зоря), подъ которою чаще всего разумѣется вечерняя звѣзда.

Звѣзда (зоря)—символь радости, счастья и красоты. Въ колядкахъ поется, что мѣсяць, идя по небу, встрѣчается съ ясною звѣздою и спрашиваетъ ее, гдѣ она остановится.—У такого-то (имя того, кому колядуютъ), на его дворѣ, на его хатѣ,—отвѣчаетъ звѣзда,—у него въ хатѣ будетъ двѣ радости: первая

-
- ¹⁾ Ой невідать місяць світе,
Відкізь яєні зірки;
Унадився коломіць до чужонї жінки;
Унадився, унадився, якъ кабанъ у жито:
Та вже въ его реберъ нема,
Голова побита.

- ²⁾ Місяць світить—сердце мліє.
Или:

Світить місяць та не гріє;
У дівчині серце мліє.

- ³⁾ (Світить місяць надъ горою, а сонця не має,
Мати сина въ дороженьку смутно проважає.

- ⁴⁾ Въ ёго копоньки якъ зіроньки.

Или:

Скільки на небі зірочокъ,
Тільки на полі копочокъ,
Зіроньки небо світили;
Копоньки поле укрили.

- ⁵⁾ Ти въ коморі, я на дворі,
Вийдемъ разомъ, злічимъ зорі.

радость—сына женить, а другая радость—дочь отдавать замужъ ¹⁾). Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста сравнивается съ звѣздою ²⁾). Въ одной пѣснѣ разсказывается, что казаку приснился сонъ, будто надъ его хатою упала звѣзда, и эта звѣзда, какъ оказалось въ послѣдствіи, значила новорожденного сына ³⁾). Молодецъ, который хочетъ жениться на бѣдной дѣвушкѣ, ожидая съ нею счастья, сравниваетъ ее съ звѣздою ⁴⁾, а также дѣвица, прося отъѣзжающаго милаго ворочаться къ ней скорѣе, обращается къ звѣздѣ и проситъ ее свѣтити, а не скрываться ⁵⁾; постоянное расположеніе молодца къ дѣвицѣ, радующее ее, вызываетъ сравненіе съ теченіемъ звѣзды ⁶⁾ Мерцаніе звѣзды, которое выражается глаголомъ *зоріє*, сравнивается съ счастьемъ женщины смотрѣть на своего возлюбленного ⁷⁾. Звѣзда посреди темной ночи означаетъ единственное утѣшеніе посреди житейскихъ невзгодъ. Такъ, женщина, разсказывающая въ пѣснѣ, какъ отъ ней отрекается отецъ, мать, родные, а не покидаетъ одинъ милый, прибавляетъ къ каждому отдѣлу своей пѣсни стихъ: ночь моя темная, а звѣздочка ясная ⁸⁾.

- ¹⁾ Пшовъ перейшовъ місяць по небу
Та стрівся місяць зъ ясною зорею.
—Помагай Вігъ, зоре! де маєшъ стати?
«У нана Хомі на ёго дворі,
На ёго дворі, у ёго хаті;
У ёго хаті дві радости буде:
Першая радість—сина женити,
Другая радість—дочку отдавати.

- ²⁾ Походящая зірочко—
Та Марьечко дівочко.

- ³⁾ А зіронька—то дитинонька.

- ⁴⁾ Въ мене худібонька—
Ти сама,
Якъ на небі зіронька ясна.

- ⁵⁾ (віти, зоре, світи, зоре, світи, не ховайся,
Якъ поїдешъ, мое серце, то швидко вертайся.

- ⁶⁾ Якъ зіронька по хмаронці бродить,
Такъ Василько до Марьечки ходить.

- ⁷⁾ Зійшла зоря, зійшла зоря,
Та не пазорілася,
Прийшовъ милий изъ походу—
Я й не надивилася.

- ⁸⁾ Та казали люде,
Батько въ гості буде,

О еслибъ я была такъ хороша, какъ ясная звѣздочка! восклицаетъ дѣвица, свѣтила бы моему милому, пока бы не угасла ¹⁾).

Звѣзда — блестящая красота дѣвицы. «Я знаю», говоритъ молодець, «отчего моя Марья такая прекрасная: предъ нею упала звѣзда; упала съ неба звѣзда и разсыпалась, а Марья собрала ее и заткнула себѣ за волосы ²⁾». Въ другой пѣснѣ, очень распространенной, казакъ увидалъ, какъ между двумя горами восходила звѣзда: думалъ онъ, что это звѣзда, но то была молодая дѣвица, шедшая за водою ³⁾. Въ пѣсняхъ заживныхъ жнецы сравниваютъ свою госпожу (хозяйку) съ вечернею звѣздою ⁴⁾. Красота дѣвицы заставляетъ засматриваться на нее самую вечернюю звѣзду, что выражаетъ желаніе счастья дѣвицъ, такъ какъ звѣзда—символъ счастья и радости ⁵⁾.

А батенько іде,
На двіръ не поглине.....
Нічъ моя темна, а зіронька ясна...
Тільки моя доленька безчасна.

То же повторяется о матери, братѣ, сестрѣ, наконецъ, о миломъ:

А мій милий іде,
У двіръ завертає.
Нічъ моя темна, а зіронька ясна:
А вжежъ моя доля не безчасна!

1) Бобъ я була така красна, якъ зіронька ясна,
Світла би мненькому, доки би жъ не згасла.

2) Ой упала зоря зъ неба, та й розсипалася;
Марья зорю позбірала, та й затикалася!

3) П відсілъ гора
П відтілъ гора,
А проміжъ тими горами
Зходила зоря;
Я жъ думавъ зоря,
Я жъ думавъ ясна,
А жъ то моя молода дівчина
По водницю йшла.

4) Розгорися, вечірняя зоре, пзредъ ранкомъ стоя.;
Приберися, наша господиня, передъ нами жнеями.

(Метл. 322).

5) Ой ти, зірочко вечірняя,
Чому рано не зиходила?
Чомъ місяця не догонила?

Такъ какъ звѣзда означаетъ радость и счастье, то паденіемъ звѣзды выражается прекращеніе радостей и удовольствій. Отсутствіе милаго въ одной пѣснѣ—выражено паденіемъ звѣзды ¹⁾, а въ другой пѣснѣ этимъ образомъ означено прекращеніе гулянья на улицѣ. Дѣвица говоритъ, что покати́лась и упала звѣзда, и затѣмъ проситъ казака провести ее домой ²⁾.

Паденіе звѣзды въ источникъ значить выходъ замужъ—и, кажется, неудачный.

Говоря объ участіи небесныхъ свѣтилъ въ народной поэзіи, нельзя не остановиться на одной пѣснѣ, принадлежащей къ ряду тѣхъ, которыя поются лѣтомъ и, по имени Петрова поста, называются петривочными. Въ этой пѣснѣ рассказывается, какъ невѣстка подговариваетъ свою золовку спать у нея и какъ потомъ отдастъ ее одному изъ явившихся четырехъ братьевъ. «О, невѣстка моя, предательница!»—воскликаетъ дѣвица—«предала ты меня въ темную ночь, ровно въ полночь! Не знаютъ о случившемся со мною ни отецъ, ни мать. Выпроважала меня ночь темная, снаряжаетъ меня ясный мѣсяцъ, пляшутъ по мнѣ ясныя звѣзды, тоскуетъ обо мнѣ зеленая дуброва.... ³⁾».

Ой я рано ископилася,
На дівчину задивилася?
Якъ дівчина та купалася....

¹⁾ Ой упала зоря зъ неба—

Нікому світити;
Нема мого миленького,
Немаю зъ кимъ жити!

Пли:

Що зіронька по хмаронци покотилася;
Що, милая, за миленькимъ зажурилася.

²⁾ Котилася зоря зъ неба,—

Та й впала до долу;
А хто жъ мене, молодую,
Проведе до дому?
Проводь, проводь, козаченьку,
Проводь, не барися.

(Метл. 277).

³⁾ Кликала невѣстка зовицю на-нічъ.

Припѣвъ послѣ каждого стиха съ послѣдующимъ затѣмъ повтореніемъ двухъ словъ предшествовавшего стиха:

Гей рано моя!
Ой ходи, зовице, до мене на нічъ,

Видозмненія дия. Заря въ малорусской поэзіи не имѣтъ лица-творенія и, кажется, не имѣла прежде особаго названія, кромѣ—утро (ранокъ), передъ разсвѣтомъ (досвітокъ), вечеръ (вечіръ). Названіе заря хотя употребляется въ настоящее время въ смыслъ зари (Morgenröthe), но, повидимому, это слово заимствовано уже въ послѣднее время. Раннее утро—самое обычное время въ народной поэзіи. Въ *раннюю пору* (особенно въ недѣлю—въ воскресенье) мать провожаетъ сына въ походъ; *рано* умираетъ казакъ или чумакъ въ дорогѣ; *рано* разбужаетъ дѣвица милаго, чтобъ ему идти въ дорогу; *рано* начинается свадебное веселье; *рано* мать приходитъ къ дочери изъ далекой стороны; *рано* веселые соловьи поютъ, возвѣщая разсвѣтъ; *рано* кукуетъ зозуля (кукушка); *рано* плачетъ мать по сынѣ и жена по мужѣ, сидя подъ оношечкомъ. Вечеръ и ночь—обычное время любовныхъ свиданій: «не ходи ко мнѣ днемъ», говоритъ молодцу дѣвица,

А въ мене комірочка та рублена,
А въ мене двери тесовні,
А въ мене замки та піменські,
А въ мене короватъ та повенькая,
А въ мене постіль та біленькая.
А въ мене положокъ перебірчастій.
Темненької ночі, та й опівночі,
Стукотить, трюкотить у комірочки,
Та невіхию моя, та голубко моя!
Ой татаре йдуть, та мене візьмуть!
Ой зовниці моя, та голубко моя!
То ж то не татаре, то поночезнички,
То поночезнички—чотири братички.
Що у синьому—замки відбиває,
А въ голубому—двери відчиняє,
А въ зеленому—положокъ піднявъ,
А въ чорвоному—тай зовницю взявъ.
Ой невіхию моя, та израдниці!
Ізрадила мене темної ночі,
Темної ночі та й опівночі.
Не зна обь мні ні отець ні мати.
Виправляє мене темної ночі,
Виражає мене ясень місяць.
Пляшуть по мні ясні зорі,
Тужить по мні зелена дуброва....

«приходи ночью—при свѣчахъ, чтобъ люди не знали» ¹⁾). Это совпадаетъ и съ ходомъ жизни: поселяне днемъ заняты работою, но какъ настаетъ вечеръ, молодые люди обоего пола собираются вмѣстѣ—лѣтомъ на воздухъ на улицѣ,— зимою—въ хатахъ на вечерницахъ, и тутъ-то, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, поется пѣсенъ, и тутъ происходятъ тѣ любовныя отношенія, которыя воспѣваются въ пѣсняхъ; такимъ образомъ, въ пѣсняхъ любовныхъ, которыя составляютъ чуть ли не половину всѣхъ существующихъ народныхъ пѣсенъ, болѣе всего чувствуется вечернее и ночное время. Но темная ночь является въ пѣсняхъ и печальнымъ образомъ ²⁾). Изъ одной галицкой пѣсни оказывается, что рожденіе ночью считалось несчастливымъ для рожденнаго. Женщина говоритъ своей матери: или ты меня родила ночью, что всѣмъ дала добрую судьбу, а мнѣ лихую ³⁾). Впрочемъ, такое представленіе рѣдко. Вообще ночь въ малорусской народной поэзіи не имѣетъ значенія ни страшнаго, ни убивающаго, ни печальнаго.

Небо поетъ въ народномъ поэтическомъ языкѣ эпитетъ—высокое; оно же и мѣстопробываніе Бога ⁴⁾). Оно имѣетъ предѣлъ: соколъ, хотя съ трудомъ, можетъ до него долетать ⁵⁾). Въ одной колядкѣ Богъ съ Петромъ разговариваютъ о томъ, что болѣе—небо или земля. «Ссучимъ снурокъ, измѣримъ небо: небо оказывается больше: оно ровное, а на землѣ горы и долины, разныя возвышенія» ⁶⁾). Небо заширается и отпирается, и по всему вид-

- 1) Ой не ходи въ день, не сміши людей,
Приходи въ ночи, при ясній снічи,
Щобъ люде не знали, та й не осужали.

Пли:

Ходить Миколка коло віконця, та й плаче:
Вийди, Наталю, вийди, серденько, вийди.
Свѣчка горить, батенько не спить—не вийду,
Свѣчка згасне, батенько засне—таки вийду!

- 2) Темная ніченька невидная,
Головонька моя бідная!

- 3) Чи ти мене, мати, въ ночи уродила:
У всіхъ дітей добра доли, въ мене нещаслива.

- 4) Боже мій зъ високого неба!

- 5) Ой високо соколові до неба літати;
Хочъ високо не високо—треба долітати.

- 6) Петро каже: земля більше;

но, запирается на зиму и отпирается весною. Въ одной веснянкѣ говорится о пѣкоемъ Ураѣ, который проситъ мать отдать ему ключи отомкнуть небо и выпустить весну, по другимъ вариантамъ росу ¹⁾. Въ соответствующей (отчасти) бѣлорусской пѣснѣ онъ называется Юріемъ ²⁾. Вѣроятно, это Ярѣ—Ярило, олицетвореніе весны, божество, извѣстное у западныхъ славянъ подъ именемъ Яровита, однозначительный съ скандинавскимъ Фро или Фрикко, какъ олатинизировалъ его Адамъ Бременскій, котораго древнее чествованіе осталось въ весеннихъ обрядахъ разныхъ странъ Россіи, и во многихъ отношеніяхъ его личность замѣнилась св. Юріемъ. То же понятіе объ отпираніи неба выражается, хотя въ болѣе христіанской одеждѣ, въ карпатской колядкѣ, въ которой резкаывается, какъ по дорогѣ къ небу пришли души къ воротамъ небеснымъ, и одну изъ нихъ Богъ не пустилъ за грѣхи ³⁾.

Витеръ въ народной поэзіи представляется олицетвореннымъ, напримѣръ, въ веснянкахъ о Шумѣ и Шумихѣ; къ сожалѣнію, пѣсня

Господь каже: небо бѣльше.
Посучимо шнуръ, змѣраймо небо!
Небо бѣльше, що скрізь воно рівне,
Земля маленька, що гори, долини,
Гори, долини, всяки могили.

- ¹⁾ Та Урай матку кличе:
Та подай, матко, ключи,
Одімнути небо,
Випустити весну.

Или же:

Випустити росу,
Дівочкую красу, и пр.
²⁾ Святий Юрій, Божій посолъ,
До Бога пашовъ,
А узавъ ключи золотые.
Атамкнувъ землю сыресенькую,
Пустьцивъ росу циплюсенькую.

(Афон. поэт. возпр. сл., на пр. II, 402 обз Урай см. ibid. 437).

- ³⁾ По підъ небо е стежейка,
Стежейка аяъ до неба,
Що шли ми пѣвъ три душейки,
Пришли вони передъ небо,
Задуркали о двереньки, и пр.

(Чт. 1863 IV 24).

эта потеряла древній свой образъ, отъ котораго, вѣроятно, остались, сравнительно въ цѣломъ видѣ, одинъ или два первыхъ стиха ¹⁾. Вѣтеръ носить обычные эпитеты—буйный и тихій или (въ Галиціи) повольный; иногда употребляется во множественномъ числѣ; такъ, напр., голубь, вылетѣвъ изъ тумана, ищетъ своей голубки и, встрѣчаясь съ буйными вѣтрами, спрашиваетъ, не видали ли они ее ²⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ приглашаютъ вѣтеръ провожать невѣсту и развѣвать ей косу ³⁾: развѣзающіеся волосы,—образъ дѣвства ⁴⁾. Вѣтеръ—собѣсѣдникъ грустной женщины ⁵⁾; она проситъ его развѣять тоску ея и лихую долю ⁶⁾; въ разлукѣ съ милымъ она проситъ вѣтеръ повѣять въ ту сторону, гдѣ находится ея милый, извѣстить его, что она тоскуетъ о немъ ⁶⁾.

¹⁾ Шумъ ходить по дѣрови,

А Шумиха рибу ловє;

Що вловила, то й пропила,

Своїй дочці не вгодила.

²⁾ Літає, голубки шукає,

Зустрівся въ яру міжъ горами

Зъ буйними вітрами.

Ой, ви вітри буйнесенькі;

Ви далече пробували,

Чи не чули, а чи не видали голубки моєї?

— Хочъ и чули, хочъ видали—не знаємъ якан.

³⁾ Не віи, вітре, дѣрєвою,

Новій, вітре, дорогою,

За нашою молодою,

Розмай косу....

⁴⁾ Нехай мои чорні кудрі буйний вітеръ має;—

Нехай мене, молодю, ніхто не займає.

⁵⁾ Чомусь, моя мила, важенько вздыхає,

Зъ буйнесенькимъ вітромъ розмовляє.

⁶⁾ Новій, вітре, новій, вітре по полю, по полю,

Та рознеси, та рознеси мою лиху долю.

Пли:

Новій, вітре буйнесенькій, звідки я тя прошу,

Розвій тугу, розвій тугу, що ва серці пошу.

Пли:

Новій, новій, вітре, по темному луку,

Розвій, розвій кзъ серденька тугу.

⁷⁾ Новій, вітре, у гороньку,

Зъ України у Литовьку,

(Ут. 1864. IV. 528).

Призывая милого къ себѣ, она уподобляетъ его вѣтру, обращаясь къ послѣднему и заставляя его отвѣчать на ея обращеніе: какъ трудно вѣять вѣтру черезъ глубокія ущелья, такъ трудно прибывать милому изъ далекаго края ¹⁾. Она проситъ вѣтеръ перенести милому въ чужбину всю любовь, всѣ сладкія воспоминанія ²⁾. Она, по вѣянью вѣтра, узнаетъ, когда онъ пишетъ нисьма ³⁾, но также вѣтеръ своимъ вліяніемъ даетъ ей знать о разговорѣ ея милого съ иною дѣвицею ⁴⁾. Отданная въ другую сторону замужъ, женщина посылаетъ вѣтеръ въ ту сторону, гдѣ у ней родные ⁵⁾. Ей грустно на чужой сторонѣ, когда она смотритъ на рошу и замѣчаетъ, что вѣтеръ не колышетъ вѣтвями ⁶⁾. Она проситъ вѣтеръ, чтобъ онъ принесъ къ ней родныхъ издалека ⁷⁾. Въ одной пѣснѣ такая грустная женщина пишетъ письмо слезами и пересылаетъ съ буйными вѣтрами ⁸⁾. Преступная мать, бросившая свое дитя—плодъ незаконной любви—въ колодець, обращается къ вѣтру, проситъ его покрыть ея преступленіе, нанести тучу съ дождемъ, чтобы дождь залилъ всѣ дорожки и тропинки, чтобы люди не ходили къ колодцу, не бу-

Занеси вість милому,

Що я тужу по нему.

- 1) Повій вітре, повій буйний, изъ глубокого яру!

Прибуди, прибуди, мій миленькій, зъ далекого краю!

Ой радъ би я повівати, та яри глибоки;

Ой радъ би я прибувати, та край далеки!

- 2) Повій, вітре буйнесенькій, зъ за крутою гори;

Та забери изъ собою усілюбоши мои;

Однеси ихъ у чужину, де миленького маю!

- 3) Вітеръ віе, вітеръ дуге, калину колише,

Деся мій милий чернобривий міні листоньки пише,

- 4) Вітеръ віе, вітеръ повіває;

Деся мій милий зъ иною розмовляє.

- 5) Повінь, вітроньку, зъ гори въ долиноньку,

А зъ гори въ долину, де маю родину.

(Метл. 244)

- 6) Ой гаю мій, гаю зелененькій,

Що на тобі, гаю, вітроньку не має,

Вітроньку не має, гілля не колише?

- 7) Ой новій, вітроньку, зъ гори на долину,

Та принеси до мене здалека родину.

- 8) Нисала листи дрібними слезами,

А посилає буйними вітрами.

дили ея сына ¹⁾. Но иногда вѣтеръ усиливаетъ грусть и его просить затихнуть ²⁾. Буйный вѣтеръ сопровождаетъ казака въ степи и на морѣ; онъ ему высушиваетъ кудри, расчесанные терномъ и вымытые дождемъ ³⁾; иногда онъ бываетъ и враждебенъ ему, сбиваетъ его съ ногъ въ степи ⁴⁾, и на морѣ, когда скроются на небѣ звѣзды, вступить мѣсяцъ въ тучи, подуетъ буйный вѣтеръ, поднимется противная волна черноморская и разбиваетъ врознь казацкія суда ⁵⁾. Въ одной казацкой пѣснѣ буйный вѣтеръ увидѣлъ казацкія кости на чужой сторонѣ и принесъ ихъ на его родину ⁶⁾. Самъ удалый молодецъ сравнивается съ буйнымъ вѣтромъ ⁷⁾.

Тучи и облака часто сливаются въ одномъ словѣ хмара, а большая туча называется чорна хмара. Въ пѣсняхъ вообще хмара—образъ житейскихъ пренятствій; какъ тучи и облака закрываютъ солнце, такъ разныя неудачи и лишенія мѣшаютъ счастью и наслажденіямъ жизни. Дѣвица, которую перестаетъ посѣщать милый по проискамъ враговъ, сравниваетъ этихъ вра-

¹⁾ Нанеси хмарочку, хмарочку чорненьку,

Та щобъ пішовъ та дрібний же дощикъ,

Та щобъ позаливавъ всі стежки-дорожки,

Щобъ туди люди, люди не ходили,

Щобъ зъ колодязя води не носили,

Щобъ мого сина, сина не збудили.

²⁾ Ой не шуми, вітре, въ зелешімъ гаю,

Не завдавай, жалю, бо я въ чужімъ краю.

³⁾ Мене, мене, змиють дожди,

А розчешуть густі терни,

А высушать буйні вітри.

⁴⁾ Буйний вітеръ въ полі повіває,

Бідного казака зъ нігъ валяє.

(Макс. ук. Д. 44)

⁵⁾ На небі усі звізди пошмарило,

Половина місяця въ хмарі вступило,

А пзъ нizu буйний вітеръ повіває

А по чорному морю супротивная філя встає:

Судна козацкія на три часті розбиває.

⁶⁾ А я (говорить вітеръ), побачивъ,

Що вінъ въ чужій стороні,

Та принісъ козакови

Кости у рідний край.

⁷⁾ Изъ за горі буйний вітеръ зъ за гори,

Прііхавъ казаченько зъ сторони.

говъ съ тучами, закрывающими солнце ¹⁾. Закрытіе звѣзды чернымъ облакомъ сопоставляется съ положеніемъ дѣвицы, которую мать не пускаетъ къ милому ²⁾. Хмара означаетъ также члевету, дурную молву. Молодецъ говоритъ: надъ моими воротами черная мара, а на мою дѣвицу дурная молва. А я эту ерную мару размаху перомъ, а худую молву и ни во что ставлю: возьму дѣвицу за себя замужъ ³⁾.

Черныя тучи—образъ чего-то непривѣтливаго, недобраго, угрожающаго. Смѣлый казакъ выражаетъ свою отвагу тѣмъ, что не боится ни грома, ни тучи ⁴⁾. Есть употребительная въ нѣсколькихъ нѣсняхъ форма: шла черная туча, шла туча и синяя;—всегда этотъ образъ заключаетъ въ себѣ тотъ смыслъ, что было горе, а настало еще и горшее ⁵⁾. Туча—гнѣвъ: «видно, что находятъ тучи—дождикъ каплетъ; видно, что сердится,—поглядаетъ искоса,» ⁶⁾ поетъ дѣвица, замѣчая, что ея милый не доволенъ. Въ одной галицкой нѣснѣ поется: какой чертъ тебя прогнѣвилъ, тотъ пусть тебя и упрасиваетъ; куда черныя тучи ходятъ, туда и тебя пусть носятъ. Здѣсь смыслъ тотъ, что мѣсто, куда уходятъ тучи—мѣсто страшное. Быть-можетъ, здѣсь остатокъ первобытнаго мифическаго представленія о борьбѣ свѣтлаго начала съ темными силами, которою выражалось яв-

¹⁾ За тучами громовими сонечко не сходить,
За вражими ворогами мій милий не ходить.
Ой ви, тучи громовні, розійдітесь різно!
Ходи, ходи, мій миленький, хочь не рано—пізно!

²⁾ Рада бъ зірка зійти,—чорна хмара закриває;
Рада бъ дівка вийти,—мати не пускає.

³⁾ Надъ моими воротами чорненькая хмара,
А на мою дівчиноньку поговоръ та слава.
А я тую чорну хмару перомъ розмахая,
А я тую худу славу за промашку маю,
А я свою дівчиноньку за себе приймаю.

⁴⁾ Не боїться козаченько ні грома, ні тучи:
Хорошенько въ кобзу грає, до дівчини идучи.

⁵⁾ Наступала чорна хмара,—пастала и сива;
Не одбуде синь за батька, а батько за сина.

⁶⁾ Який тебе дідько гнівають,—
Най тя такий просить;
Куди ходять чорні хмари,
Най тя туди носить.

леніе грозы на небѣ. Есть карпатская колядка, гдѣ представляется, что изъ-за горной равнины выходитъ черная туча; то не туча, говоритъ пѣсня, то—стадо овецъ; вьсреди его идетъ овчаръ; подпоясался онъ тремя спурками, а за спурками у него три трубы: первая дубовая, вторая оловянная, третья золотая. Слышно по чистому полю, какъ онъ затрубитъ въ дубовую трубу; слышно по лѣсамъ-борамъ, какъ онъ затрубитъ въ оловянную; слышно даже на небѣ, какъ онъ затрубитъ въ золотую ¹⁾. Въ этой колядкѣ хотятъ польстить хозяину овцеводу: представляютъ его очень богатымъ: овецъ у него такое изобиліе, что стадо ихъ кажется тучею. Что касается до трубъ, то это идеализація настушьяго рожка, подобно тому, какъ идеализацію военной трубы представляетъ колыбельная пѣсня, гдѣ мать воображаетъ себѣ, какъ сыпъ ея, достигши совершеннолѣтія и вступая въ казацкое войско, возьметъ съ собою три трубы: въ первую заиграетъ, когда будетъ садиться на босваго коня, во вторую, когда съѣдетъ со двора, а въ третью, когда станетъ въ ряды казаковъ. Подобный образъ выходженія тучъ, въ другой колядкѣ (волынской) сопоставляется съ войскомъ ²⁾.

- ¹⁾ Ой за гори, изъ-за полоники,
Гой дай Боже!
Виходить же мі чорна хмарочка,—
Ой не е жъ то мі чорна хмарочка,
Ой е жъ то мі овець гурмочка.
Идежъ передъ нихъ овчариночка,
Заперезавси трома ужевками,
А за ужевками три трумбеточки:
Одна трумбета гей дубинная,
Друга трумбета гей цинсовая,
Третья трумбета гей золотая.
Ой чути-чути въ чистесъ поле,
Ой якъ затрубить а въ дубинную,
Ой чути-чути а въ ліси въ бори,
Ой якъ затрубить а въ цинвовую;
Ой чути-чути ажъ на небеса,
Ой якъ затрубить а въ золотую.

(Чт. 1866. 1 610)

- ²⁾ По за лісомъ, лісомъ темненькимъ
Виступала чорная хмарочка,
Ой тожъ не хмара—то зъ віська пара;
Тамъ (нима, кому колядують.) коникомъ играє.

Въ пѣснѣ о нашествіи турокъ на Почаевъ съ черною тучею сравнивается турецкое войско ¹⁾).

Туча, выступающая на небѣ, — образъ грядущей бѣды. Въ рекрутской пѣснѣ (Харьк. г.) наступающія тучи означаютъ приближеніе рекрутскаго набора. «Изъ-за темнаго лѣса, изъ-за зеленой роцци выступала туча черная, а другая непогодная; тамъ лежало три дорожки битыя, слезами политыя; идутъ три молодца, впереди Ивасенько: въ правой рукѣ онъ коня ведетъ, а въ лѣвой держитъ листъ бумаги: написано, нарисовано—кому въ службу идти ²⁾).

Подобное начало есть въ другой пѣснѣ, которой содержаніе — прощаніе дочери съ матерью ³⁾).

Въ думѣ о смерти Богдана Хмельницкаго тучи, закрывающія солнце, сопоставляются съ печалью казаковъ о своемъ гетманѣ ⁴⁾).

Скорое исчезновеніе облаковъ служить образомъ прекраще-

¹⁾ Ой виступає турецьке військо,
Якъ чорная хмара.

²⁾ Изъ-за лісу, лісу темного
Изъ-за ганка зеленого,
Виступала туча чорная,
А другая непогожая;
Тамъ лежало три дороженьки,
Три дороженьки та убитіі,
Слізюньками та прилитіі;
Гуди ишли три молодчики;
Попереду Ивасенько иде,
Въ правій руні кониченька веде,
Въ ливій білій листъ бумаги несе:
Написано, намалёвано—
Кому-кому та у службу йти.

³⁾ Изъ за лісу, лісу темного,
Изъ-за ганка зеленого
Выходила туча чорная,
А другая непогожая...

⁴⁾ То не чорніі хмари ясне сонце заступали,
Не буйніі вітри въ темніімъ лузі бунували,
То козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали.

нія любовныхъ сношеній¹⁾. Туча, по безъ дождя, сравнивается съ лихою судьбою²⁾.

Влюбленный молодець, у котораго съ ума не выходитъ возлюбленная, сравниваетъ состояніе своего духа съ нависшими тучами³⁾.

Дождь вообще въ народной поэзіи имѣетъ доброе значеніе и сравнивается со счастіемъ любви, тогда какъ черная туча, исчезающая безъ дождя, означаетъ разлуку⁴⁾. Дѣвица, приглашая къ себѣ казака, говоритъ: дождикъ поливайчикъ! поливай, поливай, а казакъ, къ дѣвицѣ приходи, приходи!—Радъ бы я поливать, да облачка нѣтъ; радъ бы я приходить, да ночка мала⁵⁾. Съ своей стороны дѣвица обѣщаетъ прилетѣть къ милому черпою тучкою и пасть на его подворье частымъ дождичкомъ⁶⁾. Дождь сопоставляется съ бракомъ⁷⁾, а тучи и громъ, сопровождающія дождь, съ толками и пересудами людскими⁸⁾. Дождь—благодать. Выше приводились пѣсни, гдѣ солнце, мѣсяцъ и дождь описываютъ свои благодѣянія человѣку; въ одной колядкѣ—дождь приходитъ въ гости къ хозяину одинъ, безъ небесныхъ свѣтилъ, и общается ему упасть на его ниву

1) Кохалися, любилися, якъ голубівъ нара.

А тепера розійшлися, якъ чорная хмара.

2) Чи зъ хмарою, чи зъ дождичкомъ, чи зъ лихою долею?

Хочъ зъ хмарою, не зъ дождичкомъ, а зъ лихою долею!

3) Ой звисли чорні хмароньки, звисли,

Не зійде миш одна дівчина зъ мислі.

4) Чорні хмари розійдуться и дождю не буде;

Изъ нашего кохання ужитку не буде.

5) Дождику-поливайчику! поливай, поливай,

Козаченьку, до дівчини прибувай, прибувай!

Ой радъ би я позивати—хмарочки нема;

Ой радъ би я прибувати—ніченька мала.

6) Коня не томи, людей не труди,

Бо я жъ до тобі сажа прилину,

По надъ селенько чорновъ хмароньковъ,

На подвірєнько дрібнимъ дождичкомъ.

(Чт. 1856. 1—611).

7) Ой, Боже Боже, погоди,

Дрібний дождикъ, пзійди!

8) Ой не піде дрібний дождикъ безъ тучи, безъ грому;

Ой не вийде дівка за-міжъ та безъ поговору.

въ маѣ три раза: у него родится рожь, пшеница и всякое хлѣбное зерно ¹⁾. Въ такомъ же смыслѣ счастья, благодати, дѣвица проситъ дождь полить на ея дѣвичьи символическіе цвѣты—розу, борвинокъ, василекъ, мятѹ, на ея красу—русую косу и румяное лицо; ²⁾ а въ свадебной пѣснѣ, которая поется сиротѣ-невѣстѣ, умершая мать проситъ Бога пустить ее на землю къ дочери въ видѣ дождя, мглы, сопровождающей дождь, и росы на травѣ ³⁾. Подобно тому, въ галицкихъ пѣсняхъ усоншій отецъ невѣсты проситъ Бога пустить его черною тучею, частымъ дождичкомъ и яснымъ солнцемъ въ окно ⁴⁾.

Въ значеніи веселія и радости о пляшущихъ свадебныхъ дружкахъ пѣсня выражается, что они навели облака своими (движущимися при пляскѣ) одедами и произвели дождь своими косами ⁵⁾.

Роса въ веснянкахъ сравнивается съ дѣвичьею красотою ⁶⁾. Роса—благодать, называется—Божія роса. Съ рососою сравниваются воли и коровы, означающія зажиточность поселянина ⁷⁾. Онаде-

¹⁾ Та упаду на ман тричи,
Та уродиться жито-пшениця,
Жито-пшениця, всяка нашинця.

²⁾ Стороною, дожику, стороною,
Та на мою рожу повиую,
Та на мій барвінокъ хрещатенький,
Та на мій василечокъ запашенький,
Та на мою мятѹ зучеряву,
Та на мою косу русяву,
Та на мое личко рум'яне.

³⁾ Дрібнимъ дожиномъ,
У полі миглицею,
У траві росицею.

(Гильтебр. 277).

⁴⁾ Зъ чорновъ хмаровъ на село,
Дрібнимъ дожиномъ на землю,
Яснымъ сонечкомъ въ віконце.

(Лозинск. 32).

⁵⁾ Наробили хмарно юпочками,
Испустили дожчакъ кісонькамъ.

⁶⁾ Винустити росу,
Дівочьку красу...
Дівочья краса,
Якъ несіння роса.

⁷⁾ Воли та корови—
То Божа роса.

ніе росы съ вербы отъ вѣянiя вѣтра—утрата дѣвичьей красоты отъ сближенiя съ красивымъ молодцомъ¹⁾. Паденiе росы на волосы дѣвицы—символъ потери дѣвства²⁾. Съ лѣтнею росой, скоро исчезающею отъ солнечныхъ лучей, сравнивается скоропреходящая невзгода молодыхъ лѣтъ³⁾.

Туманъ, подобно тучамъ, есть образъ неизвѣстнаго угрожающаго. Изъ тумана выступаетъ молодецъ на бой. Въ одной колядкѣ, очень распространенной, сохранившей, какъ кажется, остатокъ мифологическаго міросозерцанiя и, быть-можетъ, воспринявшей воспоминанiя о древнихъ походахъ на Византію, изъ тумана выѣзжаетъ молодецъ на дивномъ конѣ, подъѣзжаетъ къ Цареграду, вызываетъ на бой царя изъ Цареграда: происходитъ битва, и царь, видя его богатырство, изъявляетъ желаніе отдать за него дочь, а съ нею половину царства и треть счастья⁴⁾. Подобно тому, въ пѣснѣ о поединкѣ между казаками

¹⁾ Въ концѣ гребли—стоятъ верби, принали росю;
Не хвалися, дівчинонько, своєю красою;
Бо якъ вітеръ повіває—роса онадає.
Якъ приступить гарний хлопєць—красу утериєшь.

²⁾ Ой ти парубокъ, а я дівчина краса,
Ой ти щеченьку снавь, а я твои воли насла;
Упала роса на біле личко,
Не такъ на личко, якъ на русу косу;
Ей Богу, мамцю, вінчика не допону.

³⁾ Моя пригода, моя пригода, якъ къ літку роса;
Якъ сонце пригріє, а вітеръ повіє—паде вона неся.

⁴⁾ Изъ поля-поля туманъ устаетъ,
А зъ того туману молодець іде;
Та підъїзжєє підъ Царєгородъ,
Та викликає царя зъ го́рода:
Ой царю, царю, виїдь на войну!
Якъ пзѣхались—такъ и вдарились;
Ударили кониги, якъ громъ на небі,
Засєли шаблє, якъ сонце въ хмарі...
Підъ ними коні горинадали,
Золоті гривни поврилягали,
Турецький царь другимъ наказавъ:
Ой козабъ я знавъ, чий то сонъ кованавъ,
То я бъ за ёго свою до сєрь одасть,
Свою дочеръ одавъ, царствю одиєсавъ:
Половину царствя, третюю счастье.!

Шамрасмъ и Зарвасмъ—оба выѣзжаютъ на битву другъ противъ друга изъ тумана¹⁾.

Въ казацкихъ пѣсняхъ туманъ сопровождаетъ разные случаи, когда предполагается неизвѣстность и опасность. Мать прогоняетъ сына; въ это время туманъ покрываетъ поле²⁾. Сынъ пускается въ даль, въ неизвѣстность. Дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, по нѣкоторымъ вариантамъ, сопоставляетъ ихъ отважное бѣгство съ образомъ поднимающагося тумана³⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ туманъ, вмѣстѣ съ громомъ и звономъ, предшествуетъ нашествію турокъ⁴⁾. Въ семейныхъ пѣсняхъ женщина, тоскующая о томъ, что у ней есть родные далеко и отрекаются отъ нея, видитъ на полѣ туманъ⁵⁾. Вьющійся кудрями по дорогѣ туманъ сопоставляется съ лихою долею, которая гдѣ то бродитъ по дорогѣ⁶⁾.

Въ общераспространенной пѣснѣ,—которая начинается словами: туманъ, туманъ по долині, и гдѣ описывается, какъ плачетъ дѣвица, которую возлюбленный покинулъ и приглашаетъ къ себѣ на свадьбу съ другою⁷⁾,—туманъ, при другихъ симво-

- 1) Ой зъ-за горн, зъ-за крутенькои густий туманъ уставае,
А зъ нідъ туману козакъ Шамрай вивимъ конемъ вигравае....
Ой зъ нідъ гаю, зъ нідъ зеленого густий туманъ уставае,
А зъ-нідъ туману, зъ-нідъ густенького козакъ Зарвай стрілае..

Метл. 451.

- 2) Туманъ поле покривае,
Мати сина проганяе.
- 3) Не великий тумани вставали,
Якъ три брати зъ турецкою неволи втікали.

- 4) Ци то въ полі туманъ киитьтѣ,
Ци гримъ гремитѣ, ци зпінъ звенитѣ...

(Чт. 1863. III. 41).

- 5) Туманъ полемъ, туманъ полемъ, туманъ туманитьсѣ,
Хочъ и е въ мене рідъ далеко.
Та мене цурається.

- 6) Туманъ, туманъ по дорогі у кучери вьється;
Десь-то моя лиха доля шляхомъ волочється.

(Метл. 463).

- 7) Туманъ, туманъ по долині,
Широкий листъ на калні,
А ще шириний на дубочку,
Кличе голубъ голубочку....
За густими за лозами
Плаче дівка слізюньками.

лическихъ образахъ, означають грустное расположеніе духа и чувство неизвѣстности оставленной дѣвицы. Подобно тому, и въ другой пѣснѣ, въ которой дѣвица груститъ о своей будущности, съ туманомъ сопоставляется гнетущая сердце тоска ¹⁾. Такой же смыслъ неизвѣстности и грусти имѣетъ пѣсня, описывающая, что изъ тумана вылетаетъ голубь и спрашиваетъ у буйныхъ вѣтровъ, не видали ли они его голубки ²⁾.

Въ любовныхъ пѣсняхъ страннымъ образомъ сравниваются съ туманомъ черныя брови красавицы ³⁾. Но это чуть ли не позднѣйшая перестановка стиха о туманѣ совсѣмъ изъ другой пѣсни, именно той, гдѣ женщина говоритъ, что у ней далеко есть родные, но отрѣкаются отъ нея.

Громъ въ пѣсняхъ упоминается рѣдко, и обыкновенно съ тучею. Народное воображеніе выдумало громовую стрѣлу, и въ одной пѣснѣ есть это суевѣріе ⁴⁾. Сонъ дѣвицы, слышавшей громъ, значилъ то, что ея милый былъ убитъ въ чужомъ краѣ ⁵⁾. Пораженіе громомъ—божіе наказаніе. Угнетенные крестьяне изъ-

«Не плачь, дівко, не журися,

Ще и, молодъ, не женився;

А якъ буду женитися,

Пропу, серце, дивитися.

Меду-нива напнитися».

—Твое пиво та не диво.

Дивніша твоя зрада....

1) Ой на горі дождь іде,

А въ долині туманъ;

На моему серденьку

Туга та печаль.

2) Горами-прами туманъ налягає;

Поміжъ тими туманами сивъ голубъ літає,

Якъ полетівъ сивий голубонько поміжъ туманами,

Та й зъустрівся сивий голубонько зъ буйними вітрами.

Ви, вітроньки. ви буйнесеньки, далече бували:

Чи видали, чи не видали ви моем пари?

3) Туманъ полемъ, туманъ полемъ, туманочку трошки,

А въ дівчини чорні брови, якъ у тієї волошки.

4) Ой упала стріла посередъ двора,

Та вбила стріла вдовиного сина.

5) Носивсь по за хмарами страшний грімъ:

То забить козаченько у краю чужімъ.

являются желаніе, чтобы ихъ нановъ поразилъ громъ¹⁾. Но въ свадебныхъ пѣсняхъ дождевая туча означаетъ пѣвѣсту, а громъ съ своими раскатами—жениха, котораго сопровождаютъ музыканты²⁾.

Сильгъ не принадлежитъ къ любимымъ въ пѣсняхъ явленіямъ природы. Малорусскій пѣсенный міръ вращается посреди цвѣтущей весенней и лѣтней природы. Даже въ колядкахъ, которыя поются исключительно зимою, не видно зимняго времени. Сильгъ въ пѣсняхъ—иногда образъ терпѣнія. Бѣдный сирота, работникъ, подгибая поги, идетъ по выпадающему сильгу и жалуется на мать—зачѣмъ она родила его³⁾. Несчастная въ замужествѣ женщина, вспоминая, что ей лучше было въ дѣвцахъ, сопоставляетъ свое положеніе со сильгомъ, который, выпавъ, растаялъ и сдѣлался водою⁴⁾. Въ одной любовной пѣснѣ дѣвица сравниваетъ свою сердечную тоску со сильгомъ, тающимъ въ рукѣ⁵⁾. Крѣпкій замерзшій сильгъ сопоставляется съ холодностію сердца къ женщинѣ⁶⁾, и также съ тоскою и ску-

- 1) Бодай нанівъ громи вбили,
Якъ намъ руки потопили.
- 2) Ой говорила туча зъ громомъ,
Чи славець ти будешъ зъ стукомъ-грюкомъ?
Та що ти прийдець зъ стукомъ-грюкомъ,
А я за тобою зъ дрібенькимъ дождемъ.
Чи славець ти будешъ зъ стукомъ-грюкомъ,
Чи и славишна зъ дрібнимъ дождемъ?
Ой говорила Маруся зъ Іванькомъ:
Ой ходімо, Іванько, до церквівки,
Та що ти прийдець зъ музиками,
А я за тобою изъ дружечками;
Чи славець ти будешъ та музиками,
А чи и славишна изъ дружечками?
- 3) Білий сніжокъ випадає,
Бурлакъ віжки підгинає,
Отця леньку спомінає:
Мати моя старенькая!
На що мене породила—
Сичастя-долі не вділила?
- 4) Упавъ сніжокъ на обліжокъ, та ставъ водицею,—
Лучче було дівчиною, чимъ молодницею.
- 5) Ой візьму я снігъ у руку—снігъ у руці тане,
Тяжко-важко на серденьку, якъ нечіръ настане.
- 6) Упавъ сніжокъ на обліжокъ, та вже не ростане;
Пішовъ би я до пшона—серце не пристане.

кою. Образъ падающаго снѣга на замерзшую криницу, у которой козакъ поитъ коня, а дѣвица наливаетъ ему воду, — сопровождаетъ разлуку съ дѣвицею молодца, идущаго въ военную службу ¹⁾).

Митель—символь непристойнаго брака, брака не кстати. Во полѣ митель; зачѣмъ старикъ не женится; какъ ему жениться, когда нѣкому печалиться ²⁾). Въ этой пѣснѣ тотъ смыслъ, что такъ какъ прошло для старика время жениться, то на свадьбѣ приличнѣе тосковать, чѣмъ веселиться. Подобный смыслъ въ галицкой пѣснѣ, гдѣ подъ образомъ мители говорится о вступленіи въ бракъ недостойной женщины и отъ имени другой дается жениху совѣтъ покинуть негодную и взять другую—ее, трудолюбивую ³⁾).

Морозъ—символь страданія. Пѣсенный міръ вообще чуждается зимняго времени года, а мороза тѣмъ болѣе. Ой! дай, Боже, дождь, лишь бы не морозъ ⁴⁾),—такъ начинается одна пѣсня. Съ морозомъ, поражающимъ орѣшникъ, сравнивается судьба женщины, у которой недобрый мужъ ⁵⁾). Дурное обращеніе мужа съ женою выражается образомъ, что мужъ водить ее босикомъ на морозъ ⁶⁾). Морозъ, сдавливающій воду, сравнивается съ сердцемъ,

- 1) Ой у полі сніжокъ пролітає,
А въ криниці вода замерзає,
Ой тамъ казакъ коня наповає,
А дівчина воду підливає;
Козакові серденько вмливає,
Поїду я государю служити!

- 2) Ой у полі метелиця:
Чому старий не жениться?
Ой якъ ёму женитися,
Що нікому журитися.

- 3) Ой на горі метелиця:
Відаєся негідниця;
Покинь, покинь негідную;
Возьми мене, робітную!

(9т. 1863. IV. 320).

- 4) Ой дай, Боже, дождь,
Аби не морозъ,...

- 5) Зеленькая лещипонька, чого гілля опускаєш?
Молодая молодежи, чого слёзи проливаєш?
Ой я гілля опускаю, бо морозъ натискає;
Ой я слёзи проливаю, що лахого мужа маю.

- 6) Запорожець, мамо, запорожець
Водивъ мене босу на морозець!

недружелюбно относящимся къ другому сердцу¹⁾. Морозъ, поражающій дубъ, — образъ несчастія казака, котораго постигаетъ необходимость идти въ походъ и разлучаться съ своею милою²⁾. Въ одной пѣснѣ (вѣроятно, купальской, доставленной намъ изъ Подолія) смерть сопоставляется съ морозомъ и представляется танцующею съ морозомъ³⁾.

Огонь въ малорусскихъ пѣсняхъ не принадлежитъ къ часто упоминаемымъ предметамъ и не имѣетъ яснаго символическаго значенія. Общее въ поэзіи другихъ народовъ сравненіе любовнаго чувства съ жаромъ, пламенемъ — почти чуждо малорусской поэзіи, если изъ области ея выбросить нѣсни, недавно уже заимствованныя. Исключеніе составляетъ, въ этомъ отношеніи, между чисто-малорусскими пѣснями, игра въ «горю дуба», гдѣ на вопросъ: зачѣмъ ты горишь? слѣдуетъ отвѣтъ: за тобою, или: по тебѣ, молодой⁴⁾. Въ купальскихъ пѣсняхъ, гдѣ огонь долженъ бы играть важную роль, онъ, на сколько намъ извѣстно, встрѣчается только два раза (да и то въ одной, не чисто купальской, а изъ такъ-называемыхъ петрівочныхъ, которыя нерѣдко смѣшиваютъ съ купальскими); но въ обѣихъ пѣсняхъ дальнѣйшее содержаніе не имѣетъ отношенія къ огню, о которомъ упоминается въ началѣ. Въ первой, послѣ пылающаго дуба, слѣдуетъ описаніе, какъ дѣвица бѣлила полотно и вообража-

- 1) Вітеръ віє, вода шумить — морозъ натискає,
Твое серце мому сердцю вірне не сиріє.

(Чт. 1863. IV. 269).

- 2) Розвивайся, сухий дубе, завтра морозъ буде!
Убирайся, козаченько, завтра походъ буде!

Я морозу не боюся — вранці розвивься;
Я походу не боюся — вранці уберуся.

- 3) Смерте, смерте, иди на ліси,
Иди на безвість, иди на море,
І ти, морозе, великий, лисий,
Не приходи до насъ зъ своей коморі!
Смерть зъ морозомъ танцювала
І на море десь погнала.

- 4) Горю, горю дубе.
Чого ти горишъ?
Красноє дівниці.
Якоп?
Тебе молодон.

ла себѣ свою будущность—пойдетъ ли она за милаго, или за немиланаго ¹⁾). Содержаніе второй ²⁾)—шуточное.

Въ веснянкахъ огонь встрѣчается нѣсколько разъ и притомъ въ ненонятныхъ образахъ. Въ одной говорится, что дѣвица въ день Преполовенія погнала стадо рогатаго скота, потеряла корову и зажгла ³⁾ дуброву. Еще загадочнѣе другая веснянка, гдѣ представляется, что дѣвица зажгла дуброву своею блестящею одеждою ⁴⁾). Изъ третьей веснянки можно предполагать, что тутъ есть какая-то связь съ веснянкою о воротарѣ (см. ниже). Такимъ образомъ, въ игрѣ, которую сопровождаетъ пѣніе веснянки о воротарѣ, дѣвицы носятъ на протянутыхъ рукахъ ребенка; въ другихъ мѣстахъ та же игра—хожденіе съ ребенкомъ, и непременно женскаго пола, на протянутыхъ рукахъ—сопровождается пѣсней о зажженной дубравѣ, и погашеніе этого пожара приписывается лицу ⁵⁾), которое изображаетъ носимая на ру-

¹⁾ Ой гори, гори, сухой дубе!

Паше поломья зъ тебе дуже.

²⁾ На Купала огонь горить,

Нашимъ хлопцямъ живить болить.

³⁾ У преполовну середу

Погнала дівка череду,

Та загубила корову,

Та запалила дуброву;

Не горить дуброва, тільки куриться,

Паробоча мати журиться:

Десь мои сини на війні?

⁴⁾ Ойшла дівонька черезъ двуръ, черезъ двуръ,

На неї суконька въ девять пулъ, въ девять пулъ;

Стала суконька сяяти, сяяти,

Стала дїброва палати, палати.

Идїть, парубки, дїброви гасити, гасити;

Решетомъ водицю носити, носити,

Скільки въ решеті води е, води е,

Стільки въ парубківъ правди е, правди е.

Потомъ опять повторяются первые четыре стиха, а затѣмъ поется:

Идїть, дівоньки, дїброви гасити, гасити,

Кубонькомъ водицю носити, носити;

Скільки въ кубоньку води е, води е,

Стільки въ дівочої правди е, правди е.

⁵⁾ Ой вербовая дощечка, дощечка,

Тамъ ходила Настечка, Настечка,

кахъ дѣвочка. Это должно быть обломки древняго мифологическаго представленія, относящагося къ почитанію солнца, огня и воды, наиболѣе выражавшагося въ весеннихъ празднествахъ. Быть-можетъ, зажигающая дѣвица была образъ солнечной палящей силы, а гасящая вода, — дождь, обращающій палящую силу въ плодотворную. Одежда дѣвицы, зажигающая своимъ блескомъ дубровы, вѣроятно, есть тѣ же ризы, которыя въ колядкахъ, по однимъ вариантамъ просто госпожа, а по другимъ богородица, бѣлила на Дунай, и которыя вѣтры унесли на небеса на одѣяніе Богу ¹⁾, тѣмъ болѣе, что въ другой колядкѣ самый праздничный Рождества представляется въ видѣ огненнаго дива ²⁾, что

Та цебромъ воду носила, носила,
Зелену дѣброву гасила, гасила;
Скільки въ цебри води е, води е,
Стільки въ дівочокъ правди е, правди е.

Потомъ повторяются первые два стиха, а за ними:

Решетомъ воду носила, носила,
Зелену дѣброву гасила, гасила;
Скільки въ решеті води е, води е
Стільки въ парубківъ правди е, правди е.

- ¹⁾ На тихімъ Дунаї, на крутімъ бережку,
Тамъ господиня ризи білила....
Ой десь узялись буйніи вітри,
Та взяли ризи підъ небеса,
Всі небеса розчинилися,
А въ тіі ризи самъ Богъ убрався.

- ²⁾ Усі святії ослономъ сили,
Тільки немає святого Різдва.
Рече Господь святому Петру:
«Петре, Петре, послуго моя!
«Піди принеси святее Різдва».
Не ввійшовъ Петро якъ півъ-дороги,
Здбало Петра чудо чуднее,
Чудо чуднее, огнемъ страшное.
Петро злякнувся, назадъ вернувся.
Рече Господь до святого Петра:
«Ой Петре, Петре, послуго моя!
«Чожъ ти не принісъ святого Різдва?»
— Ой здбало мене чудо чуднее,
— Чудо чуднее огнемъ страшное!
— А я жажнувся, назадъ вернувся. —
«Ой не есть то, Петре, ніяке чудо,

дѣлается понятнымъ, если вспомнить, что праздникъ Рождества замѣнили языческія празднованія—возвращенія или возрожденія солнечной палящей силы. Съ образомъ зажженной дубровы состоитъ въ переносной связи пѣсня о курящейся дубровѣ, съ которою сравнивается дѣвица тоскующая ¹⁾.

Въ одной веснянкѣ поется о пожарахъ (т. е. огняхъ) на пятой недѣлѣ великаго поста ²⁾. Здѣсь можно было бы разумѣть обычай выжигать на стенахъ сухую прошлогоднюю траву раннею весною, но такъ какъ это не единственный признакъ огня въ веснянкахъ, то и въ этой пѣснѣ скорѣе надобно видѣть указаніе на древнее значеніе огня въ языческія времена. Игра «горю дуба», о которой мы упоминали, относится къ тому же.

Въ одной пѣснѣ ныланіе зажженной соломы сопоставляется со смертію дѣвицы ³⁾.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста говоритъ матери: загребай, матушка, жаръ: будетъ тебѣ жалко дочки ⁴⁾. Здѣсь, кажется, та мысль, что когда мать будетъ топить печь, то пожалѣетъ о своей дочери, вспомнивъ, какъ она раздѣляла и облегчала труды матери.—Дѣвица сравниваетъ сожалѣніе молодца о томъ, что она не вышла на улицу, съ горящими угольями, тогда какъ она не топила печи и ничего не варила ⁵⁾. Здѣсь топка печи и варка сопоставляются съ выходомъ на улицу и бесѣдою дѣвицы.

Горящая свѣча символизируетъ доброе желаніе и какъ будто заключаетъ въ себѣ таинственную силу помощи. Дѣвица хочетъ зажечь свѣчу и послать къ Богу, чтобъ ея милому былъ счастли-

«А то есть святее Різдо:

«Будь ёго взяти, Петре, на руки,

«Сюди принести, на стілѣ покласти.

«Зрадовались би усі святіи,

«Що передь ними Різдо сіло».

- ¹⁾ Зелененькая дѣбровонька, чомъ не горишъ, тільки куришся?
Молодая дѣвинонька, чомъ не живешъ, тільки журишся?

Пожари горіли

- ²⁾ На білій неділі.

- ³⁾ Роспалю я куль соломи, не горить—палае.

Біжи, біжи, козаченьку,—дівчина вмирае.

- ⁴⁾ Загрібай, мати, жаръ, жаръ,—

Буде тобі дочки жаль, жаль.

- ⁵⁾ Не топила, не варила—на припічку жаръ, жаръ,

Янъ не вийду на улицу,—номусь буде жаль, жаль.

вый путь ¹⁾. Казаць просить дѣвицу засвѣтить восковую свѣчу, пока онъ перейдетъ въ бродъ быструю рѣку ²⁾. Въ одной веснянкѣ поется о зажженныхъ свѣчахъ предъ солнцемъ и предъ мѣсяцемъ ³⁾. Не было никакого повода возникнуть такому образу въ христіанскія времена, притомъ же этотъ образъ встрѣчается въ весеннихъ пѣсняхъ, въ которыхъ болѣе сохранилось слѣдовъ глубокой старины. Поэтому мы думаемъ, что символизмъ свѣчи (или вообще свѣтильника) въ мало-русскихъ пѣсняхъ не возникъ изъ христіанскихъ приемовъ, а составляетъ одинъ изъ признаковъ древняго языческаго міросозерцанія.

Сгорѣніе—образъ невозвратной потери. Несчастный сирота спрашиваетъ свою судьбу: не утонула ли она, или не сгорѣла ли? Если утонула, то просить приплыть ее къ берегу; а если сгорѣла, то ему остается только сожалѣть ⁴⁾.

Н. Костомаровъ

-
- 1) Ой засвічу яру свічу, та пошлю до Бога,
Та щобъ мому миленькому счастлива дорога.
- 2) Ой засвіти, дівчинонько, воскову свічку:
Нехай же я перебреду сю бистру річку.
- 3) Засвичу свічу
Проти сонечка.
Тихо йду,
А вода по каміню,
А вода по білому,
Ище тихше.
Засвічу свичу
Проти місяця.
Тихо йду, и пр.
Не горить свіча
Проти (т. е. въ сравненіи съ свѣтомъ солнца) сонечка,
Тихо йду, и пр.
Не горить свіча
Проти місяця,
Тихо йду.
- 4) Чи ти въ воді потонула, чи въ огні згоріла?
Коли въ воді потонула—приплинь къ береженьку,
Коли жъ въ огні поторіла—жаль мому серденьку.